

Светлана Дроздова

Стальной орел.
Испытание
легиона

Светлана Дроздова

Стальной орел.

Испытание легиона

<https://litres.ru/74271163>

SelfPub; 2026

Аннотация

В альтернативно-исторической эпопее Римская империя трансформировалась в индустриальную сверхдержаву, покоряющую Германию с помощью паровых технологий.

Центурион Тит Корнелий Верес командует семиметровыми боевыми шагоходами «Имморталис». В рубках, пахнущих перегретым паром и смертью, машины давят священные рощи херусков, превращая Тевтобургский лес в выжженную пустыню. Однако физическое превосходство стали оборачивается тупиком: война требует колоссального расхода антрацита, толкая экономику Рима к истощению.

На этом фоне переплетаются судьбы героев. Император Александр ведет армию сквозь катастрофы — от падения крепости Ветера до кровавой переправы через Рейн, осознав, что цивилизация выживет только ценой морального разложения. Октавия Валерия, дочь казненного проконсула, из политического трофея превращается в аналитика, чей ум ищет предательство

не среди друидов, а в имперской бухгалтерии. Декурион Марк Эмилий Лонг возглавляет разведчиков-«Весп»

Светлана Дроздова

Стальной орел.

Испытание легиона

Глава 1. Сражение

Пар пах железом, мокрой шерстью и смертью.

Центурион Тит Корнелий Верес стоял в тесной рубке управления «Имморталиса», широко расставив ноги. Семи-метровая махина под его калигами сделала очередной шаг, и палуба ушла из-под ног вниз на добрых полметра. Гравитация рванула центуриона к палубе, лязгнули пряжки кожаных ремней портупей, но гидравлика правого голеностопа машины с оглушительным шипением отработала амортизацию. Палуба резко пошла вверх.

Вереса качнуло обратно, он ухватился за раскаленный поручень над распределительным щитом. Бронза была обжигающей даже сквозь толстую кожу перчатки.

— Ровнее, Гай! — рыкнул он, не оборачиваясь. — Ты шагаешь как пьяный гоплит после сатурналий!

— Виноват, доминус! — отозвался из-за спины молодой

механик-принцепс. Его голос звенел от напряжения, перекрывая монотонный гул топки. — Левый сервопривод колеса просит смазки. Вязкость падает при ста двадцати градусах Цельсия, манжеты дубеют.

За спиной Гая, отделенная лишь хлипким решетчатым трапом, бушевало сердце машины. Огнедышащая пасть топки жадно поглощала уголь. При каждой новой лопате, брошенной тендером, внутреннее пространство рубки заливало пульсирующим оранжево-багровым светом. Тени двух мужчин метались по листам закаленной стали, словно духи подземного мира. Воздух был густым, им невозможно было надышаться — смесь угольной пыли, перегретого пара и кислого запаха мужского пота. Манометры главного котла дрожали у отметки в пятнадцать атмосфер. Красные стрелки подрагивали, будто норовя сорваться со своих осей и вонзиться в лица экипажа.

Снаружи ревел Тевтобургский лес.

Тит Корнелий сдвинул вбок тяжелую заслонку смотровой щели. В лицо ударил влажный утренний холод. Туман здесь, внутри имперского тракта, казался живым существом: он цеплялся за броню машин грязными клочьями, пропитанный запахом озона от искрящихся контактов и едкой гарью. Лес вокруг выглядел обманчиво мирным. Древние дубы и

буки смыкались кронами так плотно, что превращали дорогу в зеленый туннель. Римляне строили эту просеку почти пятьдесят лет, вырубая чашу, но природа всегда брала свое, затягивая раны узловатыми корнями и гнилью.

Впереди, метрах в трехстах, колонна вставала. Передовой «Триумфатор» — самая тяжелая модификация класса, несущая на плечах спаренную пневматическую баллисту, — замер, окутавшись облаком белого пара. Из клубов тумана доносились гортанные крики на германском наречии. Звонкий, ритмичный стук сотен босых ног по сырой земле. И глухой, тяжелый удар дерева о дерево.

Засада. Классика Арминия. Варвар оказался предсказуем, как восход солнца.

— Манипула, стой! — прохрипел Верес в медный раструб переговорной трубы, идущей вдоль позвоночника машины прямо в десантный отсек и к соседним пилотам. — Щиты на фиксаторы! Баллисты — товсь!

Внутри «Имморталиса» началась своя, механическая война. Гай крутанул массивное латунное колесо клапана сброса конденсата. Раздалось облегченное, резкое «Пффух-х-х!» — избыточное давление ушло в атмосферу, оставив в воздухе запах тухлых яиц от сероводорода. Механик схватился

за рукояти главной тяги. Мускулы на его предплечьях вздулись; чтобы повернуть главный регулятор подачи угля, требовалась сила троих здоровых мужчин, хотя теоретически это должен был делать один рычаг. Но теория ломалась о законы термодинамики и скверную имперскую ковку.

Внешний мир исчез для Вереса. Остались только приборы.

Манометр давления: четырнадцать и восемь десятых. Зеленая зона.

Уровень воды: две трети стекла. Безопасно, но пора открывать питательный насос.

Температура топки: шестьсот градусов. Идеально для горения антрацита.

Первый залп германцев обрушился на машину сверху. Сухой, барабанный треск тысяч копий и коротких дротиков-фрамеек, ударивших в сталь. Звук напоминал падение мешков с песком с огромной высоты. По броне забарабанило, несколько снарядов срикошетили от покатога наплыва плечевой брони и с воем ушли в туман. Одно копьё, длинное и тяжелое, пробило тонкий металл вентиляционной решетки чуть выше головы Вереса и застряло там, вибрируя. Капля горячей смолы упала центуриону на шею. Он даже не моргнул.

Древесина против хромоникелевой стали. Плоть против паровых поршней. Это была не битва. Это была индустриальная разделка скота.

— Огонь по готовности! — скомандовал Верес, задвигая заслонку. Смотреть снаружи больше не имело смысла, а риск поймать случайную фрамею в глазницу был неоправдан. Теперь поле боя виделось ему через сетку координатных лимбов панорамного визира.

«Имморталис» содрогнулся всем своим многотонным телом. Это выдвинулись тяжелые прямоугольные плиты боковых щитов. Толщиной в три пальца лучшей легированной стали, они закрыли кабину и ходовую часть, оставляя открытыми лишь суставчатые механические ноги ниже колен. Германские сулицы бессильно застучали по ним, высекая яркие синие и белые искры. Одна плита с громким металлическим лязгом прогнулась внутрь — кто-то из вождей варваров бросил секач франциску. Сталь выдержала, но заклинило нижний запор. Десантникам придется сбивать его кувалдой после боя.

— Принято! — раздался в динамиках сухой щелчок голоса командира второго номера. — Целюсь в сектор Бета-два. Там свалили дерево.

Армению удалось сделать то, чего опасался любой римский стратег. Прямо перед носом замыкающего шагохода рухнула вековая сосна. Ее ствол, толщиной в два обхвата, намертво перегородил узкую просеку. За ней, в клубах тумана, уже мелькали рогатые шлемы и всклокоченные бороды пехоты херусков. Они бежали плотной массой, выставив вперед длинные копья с широкими наконечниками. Их вела ярость людей, защищающих свой дом. Иллюзия того, что человеческая масса может задавить числом бездушную машину.

Губы Вереса тронула кривая усмешка. Эти дикари читали трактаты прошлых веков. Они думали, что пришли воевать с легионерами Квинтилия Вара.

— Номер Три, маневр уклонения. Поднять левую ногу на сорок пять градусов, перешагнуть. Опора на грунт нестабильна, следи за дифференлом. Остальные — подавление.

Земля дрогнула. «Имморталис-три» перенес вес на правую платформу. Шестерни в бедренном суставе взвыл на базовой ноте, преодолевая колоссальное сопротивление. Машина подняла конечность, похожую на исполинский тренажник, переступила через поверженного лесного великана и опустила ступню размером с небольшую лодку. Та погрузилась в болотистую почву по самую лодыжку, издав мерз-

кий чавкающий звук. Гидравлические стойки заскрипели, выравнивая корпус.

Варвары радостно взвыли, увидев, что машина замедлилась. Десятки рук толкнули второе бревно, пытаясь завалить его на поднимающуюся ступню шагохода, чтобы создать ловушку.

Они опоздали ровно на секунду.

Из плечевых сопел головного «Имморталиса» вырвались струи плотного, кипящего пара. Температура выброса достигала двухсот градусов. Белый саван накрыл левый фланг атакующей толпы. Первобытные вопли мгновенно сменились животным, булькающим визгом. Пар сжигал легкие, сваривал кожу, оседал на волосах жирной смертельной росой. Люди падали, катались по грязи, пытаясь стереть кипятком с лиц, и слепли навсегда. Запах горелого мяса и шерсти смешался с ароматом хвойного леса, превратив утро в кошмар парфюмера.

Следом ударили баллисты.

Это были не те изящные деревянные орудия, что украшают носы трирем. Пневматические чудовища работали на сжатом воздухе из резервуаров высокого давления. С резким

выдохом, похожим на вздох левиафана, первая установка выплюнула снаряд. Полый чугунный стакан, начиненный термитной смесью и белым фосфором, пролетел сто метров за долю секунды. Он врезался в здоровенный дуб, за которым пряталась группа лучников.

Взрыва в привычном понимании не было. Был звук рвущейся бумаги, и дерево мгновенно расцвело мертвенно-белым, неземным огнем. Фосфор жрал древесину, воду и плоть с одинаковой жадностью. Ветви вспыхнули, роняя капли жидкого пламени. Горящие листья кружились в тумане, как снег в преисподней. Один из воинов внизу попытался сбить огонь с руки куском шкуры, только размазывая химическую смерть шире. Его товарищ бросился на помощь и тоже вспыхнул, став живой, кричащей головней.

— Давление падает! Доминус, мы перегреваем контур! — истошно крикнул Гай. Пот ручьями тек по его лицу, капая с кончика носа на бронзовые вентили. Рубашка прилипла к спине, волосы превратились в колтун. — Если сейчас дать полный ход клапанам, выбьет предохранительную диафрагму!

— Держи котел! — отрезал Верес. — Третий номер завяз. Приказываю задействовать аварийный сброс.

Третий «Имморталис» действительно попал в беду. Пока он элегантно, если можно применить это слово к десяти тоннам ревущего металла, перешагивал первое бревно, его правая задняя нога провалилась в скрытую яму-ловушку. Хитрые ублюдки Арминия вырыли ее точно по габаритам ступни и замаскировали ветками. Земля раздалась, принимая тяжесть, а затем сомкнулась. Деревянная клеть внутри ямы сломалась, и ступня увязла в липкой, холодной глине по самое ахиллесово сухожилие — гидравлический поршневой узел.

Машина дернулась. Электромагнитные захваты протестуяще взвыли. Правый борт накренился. Внутри кабины посыпались инструменты со стеллажей. Уровень воды в стекле опасно пополз вниз — из-за наклона жидкость отошла от заборных отверстий питательных насосов. Оголились трубки перегревателя. Еще минута, и раскаленный докрасна металл встретится с пустотой, и тогда двенадцать атмосфер перегретого пара найдут выход прямо в брюхе машины.

Пилот третьего номера знал протокол. Он не стал пытаться выдрать ногу силой — это бы просто оторвало манипулятор. Вместо этого он открыл малый клапан прямой инъекции.

Кипяток под давлением ударил из подошвы ступни прямо

в сырую глину. Раздалось адское шипение. Облако пара вырвалось из-под днища машины. Горячая вода спекла верхний слой почвы в твердую, пористую керамическую корку. Она сковала края ямы.

— Контргруз на правый борт! — прохрипел пилот. — Активация левого манипулятора!

Боевой шагohод медленно, сантиметр за сантиметром, начал вытягивать себя из ловушки, используя свободную левую руку, как костыль. Броня на коленном сочленении трещала от нагрузки. На пульте управления мигала тревожная багровая лампа — *Cavendum Caldaria* (Опасность котла).

— Он справится, — уверенно сказал Верес, глядя на чужой пульт. — У него хороший принцепс. Молодой, горячий, но знает матчасть. А вот нам тут становится тесно.

Верхушка холма справа от колонны начала шевелиться. То, что казалось зарослями орешника, оказалось десятками германских воинов. Они карабкались по склону, собираясь занять позицию над головной машиной. Идеальный угол для удара сверху, где обзорные щели пилотов наиболее уязвимы, а крыша рубки прикрыта лишь тонким противопоульным листом.

— Угол возвышения тридцать, — скомандовал Верес. —

Картель.

Баллиста на его собственном «Имморталисе» изменила наклон. Внутри казенника защелкали механизмы автоматической подачи. Оружие плюнуло очередь из пяти снарядов подряд — маленьких свинцовых сфер, соединенных проволокой.

На дистанции в двести метров эта проволока натянулась, и сфера раскрывалась в полете, превращаясь в жестокий режущий диск. Свист разрезаемого воздуха слился в единый протяжный вой. Верхушка склона буквально взорвалась. Отрезанные конечности, фонтанирующая артериальная кровь и ошметки внутренностей полетели в разные стороны. Те немногие, кого не перерезало на месте, кубарем покатились вниз, ломая собственные кости о камни и корни. Кровь густой венозной лужей поползла по мху, впитываясь в торф.

Запах крови наконец-то перебил запах промышленного масла. Верес поморщился. Ему нравился запах смазочного дегтя. Запашок человеческой бойни всегда вызывал у него легкую тошноту и сухость во рту.

— Гай, открой питательный насос на треть! Живо! — приказал центурион, заметив, как дернулась стрелка водомерного стекла. — И швырни в топку еще пару лопат. Арминий

решил поиграть в долгую.

Бой длился всего двадцать минут, но время в железной коробке растягивалось иначе. Каждая секунда состояла из сотни мелких механических действий. Проверить натяжение приводных цепей. Смахнуть сажу со стекла амперметра. Сплюнуть накопившуюся во рту горечь.

Германцы начали отступать. Их первоначальный пыл разбился о непробиваемую стену. Они видели, как их лучшие воины сгорают в белом фосфоре, как их братья превращаются в фарш картечью, и как огромные железные идола Рима равнодушно перешагивают через священные деревья их предков. Страх — великий уравниатель храбрости. Дикарская смелость закончилась там, где началось непонимание физики процесса.

Где-то далеко позади, в голове колонны, затрубил карникс. Протяжный, вибрирующий звук меди поплыл над лесом. Сигнал общего наступления. Легион вспомогательной пехоты пятого Ульпиева пошел вперед занимать периметр.

— Малый вперед, — устало произнес Верес в трубу. — Ритм ходьбы прежний. Не остужайте котлы, парни. Мы прошли только первую милю дефиле.

Колонна снова пришла в движение. Лязг суставов, шипение, скрип кожи. «Имморталис-три» вылез из своей могилы. Его походка стала дерганой, механической. Погнутая ступня оставляла в грязи глубокие рваные следы, похожие на отпечатки допотопного зверя. Из сочленений бедра тонкой струйкой сочилось темное масло. Машина была ранена, но она продолжала идти.

Спустя час лес изменился. Исчез вязкий сумрак чащи. Деревья стояли реже, обожженные недавними выбросами пара и осколками чугуна. Дорога расширилась, выходя на широкую, заболоченную пойму реки. Солнце, наконец, пробило пелену тумана, осветив сцену абсолютного, математического разгрома.

Тит Корнелий Верес спустился по скоб-трапу на землю. Переход из микроклимата рубки в реальность всегда был болезненным. Резкая смена температуры заставила зубы клацнуть. Холодная грязь моментально пропитала сыромятные ремни его сандалий. После вибрации палубы земля казалась зыбкой, нереальной, уходящей из-под ног.

Он сделал несколько шагов прочь от машины, разминая затекшую спину. Позвоночник отозвался хрустом. Семь ча-

сов практически неподвижного стояния в стальной коробке. Центурион отстегнул подбородочный ремень тяжелого полушлема с гребнем из красной щетины, снял его и провел рукой по коротко стриженным, абсолютно седым волосам. Несмотря на царящий в кабине жар, голова под шлемом была ледяной — результат постоянного сквозняка из смотровых щелей.

Его «Имморталис» возвышался над ним, как гора. Даже стоя на коленях для охлаждения контуров, машина доставала макушкой до нижних ветвей старых дубов. Краска цвета «оксфордской охры» местами облупилась, обнажив серый зернистый металл. На правом бедре темнела глубокая свежая царапина — подарок от упавшей березы. Рядом с ней запеклась густая, черная кровь какого-то несчастного германца, который имел глупость оказаться между деревом и имперским маршем.

— Двадцать процентов потерь боезапаса фосфора, — доложил спустившийся вслед за командиром Гай. Механик тяжело дышал, опираясь руками о колени. Его лицо было покрыто слоем черной угольной пыли, и только белки глаз сверкали безумно и ярко. — В третьем цилиндре компрессора лопнула уплотнительная прокладка. Нужно менять на стоянке, иначе завтра потеряем мощность на подъемах. И Тендер-Кайзер требует новую смену. Марций потерял созна-

ние от теплового удара полчаса назад, мы отливали его водой из системы охлаждения.

— Поставишь прокладку из промасленной воловьей шкуры, продержится до укрепленного лагеря, — отмахнулся Верес, рассматривая горизонт. — Кайзеру дай двойную порцию вина и нашатырь. Жив? Значит, годен. Ресурс человеческого тела рассчитан на большее, пусть вспоминает об этом почаще.

Вокруг них разворачивалась идеальная военная машина Рима. Вспомогательные когорты ауксии уже выстраивались в шеренгу вдоль кромки леса, сверкая начищенными кольчугами. Лучники-сирийцы занимали позиции на возвышенностях, методично вбивая сошники своих тяжелых луков в дерн. Дисциплина, которой так отчаянно не хватало людям Вара в старом мире, здесь была возведена в абсолют. Каждый знал свой маневр. Ни паники, ни лишних криков. Только четкие команды деканов и мерный стук молотков по палаточным кольям.

Потери среди людей составляли одного человека. Тот самый Марций из тендерной группы. Тепловой удар. Медицина империи умела справляться с таким за десять минут.

А вот пейзаж вокруг напоминал полотна художников, ри-

сующих конец света.

Там, где прошелся пар, земля превратилась в серую, рас­трескавшуюся пустыню, покрыт­ную соляными разводами. Черные стволы деревьев блестели от влаги и копоти. Мес­та­ми все еще курился сизый дымок. Поляна была усеяна те­лами. Большинство погибло не от оружия. Люди просто не успели убежать от семиметровых гигантов. Кто-то был раз­давлен плоскими стальными ступнями в лепешку — в гря­зи виднелись очертания человеческих фигур, сплюснутые до толщины пергамента вместе с оружием и щитами. Другие лежали скорчившись — белесые, сожженные кислотным па­ром легкие отказали первыми.

Легионеры-квартирьеры уже шли по полю битвы. Делови­то, без тени брезгливости. Они переворачивали трупы длин­ными крючьями. Хорошие мечи и кольчуги германских во­ждей срезались и складывались в волокуши. Все остальное — дешевая кожа, грубая шерсть, бесполезные деревянные щиты — оставалось птицам. Экономика войны требовала сбора качественного железа.

— Эй, центурион!

Верес обернулся. К нему тяжелой, уверенной походкой приближался Декурион Марк Эмилий Лонг — командир от­ряда разведки на легких одноместных «Веспах». Его маши-

на стояла неподалеку — приземистая, быстрая, похожая на металлического паука. Лонг спрыгнул с подножки прямо в грязь. В отличие от экипажей тяжелых шагоходов, разведчики носили облегченную броню и открытые шлемы. Лицо декуриона было красным от ветра, но чистым.

— Впереди чисто до самого вала, — доложил Лонг, отдавая честь сжатым кулаком. — Заслоны Арминия сметены. Мы проехали две мили, видели только пару групп мародеров. Они пытались снять сапоги с наших же сгоревших пехотинцев. Пришлось успокоить их ручными баллистами.

— Что слышно о самом вожде? — спросил Верес, протирая перчаткой стекло своего наручного барометра.

— Птичка упорхнула, — ухмыльнулся Лонг. — Оставил нам свои обозы. Много золота, много женщин. И очень много плохих железных слитков. Наши интенданты счастливы. А вот мой наводчик утверждает, что видел пыль на северо-востоке. Большая пыль. Колесницы?

— Категория колесниц? — мгновенно подобрался Верес.

— Тяжелые. С косами. Священная гвардия Сегеста, судя по бунчукам. Около полусотни единиц. Идут клином. Хотят зайти нам во фланг, пока мы возимся в этой грязи.

Верес посмотрел на небо. Солнце поднималось выше, прогревая воздух. День обещал быть ясным. Идеальная погода для работы механизмов — плотность воздуха стабиль-

на, охлаждение радиаторов работает эффективно. Идеальная погода и для вражеской кавалерии — колеса боевых серпниц не будут вязнуть в раскисшей почве.

Центурион глубоко вдохнул. Холодный воздух обжег горло, окончательно выгоняя из легких остатки паровозного перегара. Он чувствовал приятную, звонкую усталость хорошо сделанной работы. Битва выиграна. Тактическая задача выполнена. Просека открыта.

Но война только начиналась. Арминий проиграл этот раунд, потеряв лучших бойцов и элемент внезапности. Теперь в дело вступит тяжелая аристократия племен. Те, кто понимает, что лоб в лоб против Империи идти нельзя. Те, кто будет искать слабые места в шестернях.

— Передай по цепи, — сказал Верес, поворачиваясь к своему шагоходу. Касание холодного металла придало ему уверенности. — Механикам закончить продувку котлов. Залить резервные баки доверху. Выставить усиленные посты наблюдения за флангами. Всем орудийным расчетам сменить тип боеприпаса на бронебойные болты.

Он положил ладонь на холодный бок «Имморталиса». Где-то внутри, под слоями стали и изоляции, утробно зарычал просыпающийся огонь. Машина отвечала хозяину виб-

рацией.

— Пусть гости приходят, — добавил центурион, обращаясь скорее к машине, чем к декуриону. — Нам нужно испытать новые каленые сердечники. Да и обед сегодня задерживается, надо разогнать аппетит.

Лонг рассмеялся, оценив мрачный юмор ветерана, и побежал к своей «Веспе». Через минуту его легкий разведчик сорвался с места, выпустив облачко сизого дыма, и растворился в высокой траве поймы.

Тит Корнелий Верес поднялся по трапу обратно в свою парящую, дышащую паром преисподнюю. Скобы были скользкими от мазута. Добравшись до рубки, он задраил за собой герметичный люк. Звук внешнего мира отрезало напрочь. Остался только родной, успокаивающий шум огромного механизма: гул форсунки, бульканье воды в трубках, тихое поскрипывание гироскопической стабилизации.

Гай уже сидел на месте, массируя запястья. Второй тендерщик, бледный, но пришедший в себя, молча орудовал широкой совковой лопатой, отправляя антрацит в ненасытное чрево топки. Черные куски угля падали в алое жерло с тяжелым, сочным звуком.

— Дай мне управление, — велел Верес, опускаясь в жесткое кресло оператора. Кожаные ремни сиденья скрипнули.

Он взялся за дублирующие рукояти главной тяги. Ладони ощутили привычную шероховатость отполированного дерева. Центурион толкнул регулятор вперед.

Сначала сработали электромагнитные муфты сцепления, передавая момент от турбины к трансмиссии. Затем пришел в движение гигантский шатун.

Металл содрогнулся. Ревун на крыше машины издал пронзительный, требовательный гудок, предупреждая пехоту.

Раздался звук, с которым начинается любое завоевание — оглушительный, первобытный скрежет стали по камню.

«Имморталис» шагнул вперед, разрывая когтями своей ступни жирную германскую землю, и двинулся туда, где на горизонте уже поднимались столбы пыли от приближающейся смерти на колесах. Война продолжалась, и Рим считал свои шаги в точных единицах сожженного топлива.

*** Оксфордская охра — исторический пигмент красновато-коричневого оттенка, активно применявшийся в окрас-

ке военной техники позднего периода античности в художественных реконструкциях данного сеттинга.

****Часть V. Танец серпниц (Развитие действия)****

Земля дрожала иначе.

Если тяжелая поступь «Имморталиса» отдавалась в палубе низкочастотной, глубокой вибрацией, от которой ныли зубы и резало глаза, то этот новый звук был высоким, вибрирующим визгом. Скрежет металла по металлу. Вой несмазанных осей, умноженный на десятки.

Тит Корнелий Верес принял к панорамному визиру, вращая латунные маховички настройки фокуса. Дымка над поймой реки начала редеть под напором поднявшегося полуденного ветра, и картина открылась во всей своей варварской жестокости.

Они шли клином. Идеальным железным наконечником стрелы, направленным прямо во фланг растянувшейся римской колонны. Около пятидесяти боевых колесниц класса «Серпница». Это были не те легкие двуколки для метания дротиков, которые использовали дикари Британии или скифы. Священная гвардия вождя Сегеста — аристократы херусков, чья родословная восходила к самим богам грозы, а

состояние измерялось табунами вороных коней.

Каждая повозка представляла собой массивную платформу из мореного дуба и железа, поставленную на тяжелые колеса с бронзовыми ободьями. Диаметр каждого колеса превышал рост высокого мужчины. Но главным оружием были оси. Из ступиц, там, где дерево встречалось с втулкой, выступали длинные, слегка изогнутые лезвия из сыродутного железа — серпы длиной в полтора метра. Они мерно покачивались в такт галопу четверок лошадей, поблескивая на солнце свежей смазкой из свиного жира. Лошади — огромные, косматые звери лесной породы, покрытые попонами из толстой бычьей шкуры, — ревели и грызли удила, роняя пену. Их вел за собой тонкий кожаный шнур, привязанный к поясам возничих.

— Расстояние две тысячи шагов, скорость сближения высокая, — ровным голосом доложил Гай, считывая показания дальномера-базоскопа. Его пальцы летали над шкалами манометров. — Давление в главном котле номинальное. Баллисты заряжены бронебойными сердечниками. Наведение по фронту завершено.

— Отставить огонь, — бросил Верес, не отрываясь от окуляра. — Передай по цепи: маневр уклонения. Угол сорок пять вправо. Сомкнуть строй. Пехоте — залечь в дренажные

канавы и не поднимать голов, если хотят увидеть рассвет.

Центурион толкнул рукояти тяги до упора вперед. Где-то глубоко внизу, в машинном отделении, пронзительно взвыл предохранительный свисток перегретого пара. Турбина набрала обороты. «Имморталис» качнулся, словно просыпающийся медведь, и перешел с размеренного шага на рысь. Гидравлические амортизаторы застонали от нагрузки. Семьдесят тонн легированной стали сорвались с места.

Справа и слева от него земля вздыбилась. Вся манипула тяжелых шагоходов пришла в движение. В тесноте леса они казались неповоротливыми, но на открытом пространстве заболоченной поймы их истинная природа брала верх. Им не нужны были дороги. Там, где колесо боевой колесницы неизбежно увязло бы в торфянике, стопа «Имморталиса» просто продавливала почву, находя твердую глиняную основу глубже, и выталкивала машину вверх.

Римский клин начал перестраиваться. Тяжелые машины выдвинулись вперед, образуя стену щитов из собственной брони, прикрывая разворачивающиеся вспомогательные когорты. Легкая пехота ауксии посыпалась в придорожные рвы, выставив перед собой прямоугольные щиты-скутумы. Лучники натянули тетивы.

Расстояние сократилось до полутора тысяч шагов. Воздух наполнился гулом десятков медных горнов германцев. Звук был низким, утробным, пробирающим до костей даже сквозь сталь корпуса.

Верес переключил тумблер переговорной трубы на внешнюю громкую связь. Рупор акустического усилителя на крыше рубки щелкнул мембраной.

— Механики! — голос центуриона, многократно усиленный медью, разнесся над полем, перекрывая шум битвы. — Помните инструктаж генерала Квинта Сертория! Не целиться в людей, не целиться в лошадей. Ваша цель — физика!

Он снова посмотрел в визир. Он видел лица вождей на передней колеснице. Сегест стоял на платформе, держась за поручень. На нем была кольчуга тонкой работы, перевязь с огромным золотым фалером и шлем с чеканным изображением волка, пожирающего луну. Лицо вождя было раскрашено синей краской, рот открыт в боевом крике. Он выглядел величественно. Древний король, ведущий свой народ на истребление чудовищ Рима.

Сегест поднял руку с тяжелым бронзовым мечом. Клин пошел в атаку.

Пятьдесят точек начали стремительно расти в размерах.

Земля буквально вставала дыбом от удара десятков копыт. Первая волна воздуха ударила по лицам лежащих в грязи легионеров — запах конского пота, прелой листвы и едкого дегтя стал невыносимым.

Тысяча лошадиных сил чистого бешенства против паровой турбины.

— Залп! — скомандовал Верес, когда дистанция упала до восьмисот шагов. Оптимальная баллистическая траектория для тяжелого чугуна.

Носовые установки пяти передних «Имморталисов» выдохнули одновременно.

Это не было похоже на выстрел катапульты. Пневматика работала почти бесшумно, издав лишь короткий шипящий вздох вырвавшегося сжатого воздуха. Полые бронебойные болты со стабилизирующими ребрами из китового уса покинули стволы. Для человеческого глаза это выглядело так, будто черные иглы просто исчезли из одного места пространства и мгновенно появились в другом.

Первая линия колесниц встретила с невидимой стеной.

Бронебойный сердечник прошел деревянный щит платформы насквозь, прошел между ног стоящего воина, срезав

ему коленную чашечку вместе с куском бедра, и вошел точно в центр бронзовой втулки левой передней оси.

Металл издал жалобный, рвущийся звон. Ось толщиной с бедро взрослого мужчины лопнула. Бронза брызнула осколками, похожими на звезды. Колесо, потерявшее центровку, совершило еще один оборот и отлетело вбок, крутясь как гигантская серебряная тарелка. Оно пронеслось над головами залегшей пехоты и врезалось в ствол дуба, перерубив его пополам.

Платформа накренилась. Железные серпы на уцелевшей правой оси со скрежетом вонзились в землю. Повозка пошла юзом. Огромные косматые лошади, обезумев от боли и запаха крови своего возничего, которого разрезало пополам собственным же сиденьем, рванули в разные стороны. Кожаные постромки натянулись как струны. Одна лошадь рухнула, ей вспоролو брюхо стальной скобой дышла. Другая перевернулась через голову, ломая хребет.

Колесница Сегеста каким-то чудом удержалась. Удар швырнул вождя на колени, он проехал грудью по металлическому поручню, выбив из легких воздух. Но его руки мертвой хваткой вцепились в перила.

Однако строй рассыпался. Физика неумолима. Потеря ко-

леса одной машиной в плотном клине привела к эффекту домино. Вторая колесница налетела на обломки первой. Ее собственные серпы зацепили падающий борт, и инерция четырех скачущих галопом коней просто разорвала деревянную раму в щепу. Люди и животные перемешались в кровавый клубок из мяса, дерева и рвущегося железа.

Но гвардия Сегеста не дрогнула. Те, кто потерял ход, выпрыгивали из заваливающихся повозок прямо на бегу, сжимая короткие тяжелые копья. Аристократы херусков предпочитали смерть позору. Остальные сманеврировали. Клин расширился, обходя вязкое болото по центру поля, стараясь зайти на твердые участки почвы, чтобы сохранить скорость.

Дистанция сократилась до трехсот шагов. Теперь можно было рассмотреть каждую деталь: мух, ползущих по крупам лошадей, трещины на коже поводов, безумие в глазах воинов.

— Малый назад! Маневр торможения! — приказал Верес. — Башни левого борта — сектор обстрела свободный. Огонь картечью по готовности!

«Имморталисы» остановились так резко, что содрогнулись их собственные поршни. Массивные стальные плиты на ногах сработали как тормоза, глубоко впиваясь в грунт. Ма-

шины чуть просели на гидравлике, гася кинетическую энергию.

Башенные спарки развернулись. В отличие от тяжелых носовых орудий, эти системы работали на дымном порохе низкого давления — быстрее перезарядка, шире разлет поражающих элементов.

Заряжающие дернули вытяжные шнуры запальных трубок.

Грохот ударил по ушам даже сквозь изоляцию кабины. Стволы выбросили облака сизого дыма.

Картечь встретила атакующих на отметке в сто пятьдесят шагов.

Для человека сто пятьдесят шагов — расстояние хорошего броска пилума. Звуковая волна от разрыва сотен чугунных шариков достигла позиций легиона раньше, чем сами снаряды. Это был звук мокрого холста, который разрывают руками сотни людей одновременно.

Передняя линия кавалерии просто перестала существовать. Картечь калибра двадцать миллиметров проходила сквозь лошадей навывлет, собирая внутри влажный урожай из кишок и раздробленных позвонков. Людей срывало с платформ и отбрасывало назад, на задние ряды собственных

войск. Кровавый туман поднялся над полем.

Один из вождей, лишившийся обеих ног ниже колен, продолжал стоять, опираясь на копье, и кричать команды своим людям, прежде чем следующий залп снес ему верхнюю половину черепа.

Лошади без всадников врезались в ноги шагоходов. Удар восьми сотен килограммов живой массы о неподвижную стальную колонну закончился предсказуемо: животных превращало в плоские, скользкие маты из переломанных костей и шерсти. «Имморталисы» даже не покачнулись. Только датчики деформации на голеньях зафиксировали кратковременный пик нагрузки.

— Заряжай! — ревел Верес, видя, как вторая волна, перескочив через трупы товарищей, прорывается вплотную.

Теперь началась работа малого калибра. Германцы оказались в мертвом пространстве — слишком близко для башенных орудий, которым мешали собственные корпуса машин.

В смотровых щелях замелькали синие, белые и багровые краски лиц. Воины прыгали на подножки шагоходов, пытаясь достать ножами уязвимые сочленения гидрошлангов. Один храбрец — совсем мальчишка с татуировкой змеи на лбу — сумел вскарабкаться на плечевой сустав ближайшего

«Имморталиса».

Механик-принцепс этого борта, здоровяк Брут, не глядя протянул руку к пожарному топору, закрепленному на переборке. Резкий, экономный удар обитой железом дубиной по пальцам. Хруст кости, заглушенный лязгом металла. Мальчишка полетел вниз прямо под опускающуюся стопу другой машины.

Верес почувствовал легкий толчок. Что-то тяжелое ударило в правый борт кабины. Центурион повернул кресло. Прямо перед его обзорной щелью возникло лицо. Обожженное паром, покрытое коркой засохшей крови и грязи, лишенное правого глаза. Это был сам Сегест. Каким-то невероятным образом вождь удержался на обломках своей империи. Одной рукой он цеплялся за край смотровой щели, второй заносил бронзовый фалькатус — тяжелый кривой меч.

Лезвие с протяжным скрипом прочертило глубокую борозду по внешней стороне бронестекла. Искры брызнули внутрь кабины. По отсеку распространился запах жженой пыли и плавящейся бронзы.

Сегест зарычал, вкладывая весь вес в обратный удар, целясь прямо в уплотнитель стекла. Если он прорежет резину хотя бы на палец, кипятик из разбитых шлангов охлаждения

сварит центуриона заживо.

Верес действовал инстинктивно. Он отпустил главную тягу и схватился за рычаг аварийного продувочного клапана котла. Маленькая латунная рукоять, которую запрещено трогать на ходу под угрозой трибунала — мгновенный сброс всего давления в атмосферу ради спасения агрегата.

Центурион рванул рычаг на себя.

Раздался оглушительный, космический рев. Всю правую сторону «Имморталиса» окутало густым облаком белого, обжигающего пара. Температура выхлопа превышала четыреста градусов. Пар выходил прямо из вентиляционной решетки, проходящей в сантиметрах от головы вождя.

Крик Сегеста оборвался бульканьем. Ревущая белая пелена скрыла его лицо. Запах паленых волос и моментально закипающей влаги заполнил пространство перед рубкой. Когда порыв ветра отнес пар в сторону, вождя уже не было. Лишь темное мокрое пятно на грязной броне да оплавленный кусок бронзы, намертво вплавившийся в раму окна. Меч упал в грязь, продолжая медленно погружаться в торф под собственным весом.

****Часть VI. Математика выживания (Кульминация)****

Через десять минут всё было кончено.

Звук изменился вновь. Визг колес сменился предсмертным храпом лошадей, треском горящего дерева и монотонным механическим гудением остывающих котлов.

Поле боя представляло собой сюрреалистический пейзаж промышленной бойни. Римские потери составили троих раненых пехотинцев, получивших ушибы при падении в траншеи, и одну убитую лошадь в обозе, которая попала под рикошет собственного же щита.

Потери гвардии Сегеста исчислялись сотнями.

Около тридцати колесниц превратились в груды не подлежащего ремонту металлолома. Дерево расщеплено в труху, железо согнуто неестественными узлами. Трупы людей и животных лежали друг на друге такими плотными слоями, что местами грязь вообще не было видно — только глянцевая поверхность запекшейся крови.

Арминий проиграл эту войну в тот момент, когда позволил аристократии своих племен сесть в колесницы. Против физики Империи пасовала даже божественная ярость.

Тит Корнелий Верес вышел наружу. Спуск по трапу давался труднее обычного — адреналиновый откат бил по ногам мелкой дрожью. Центурион отстегнул фиксаторы тяжелой сегментированной брони торакса на груди. Жаркий, липкий воздух июля облепил тело.

К нему подошел декурион Лонг. Его легкая «Веспа» стояла неподалеку, вся забрызганная красным. Сам Лонг выглядел помятым, но довольным. Он курил самокрутку из дешевого египетского табака, пряча ее в кулак от возможных офицеров трибуната.

— Неплохо порезвились, доминус? — ухмыльнулся разведчик, выпуская дым. — Я насчитал четырнадцать подтвержденных попаданий в движитель. Мы оставили им столько запчастей, что теперь их кузнецы смогут вооружить половину племени.

— Кузнецы здесь бессильны, Марк, — хрипло ответил Верес, наклоняясь и поднимая с земли оторванный бронзовый обод колеса. Металл был еще теплым. — Чтобы починить ось после нашего чугуна, нужен гидравлический пресс. А ближайший пресс находится в Капуе. До него три месяца пути.

Центурион размахнулся и зашвырнул тяжелый обод дале-

ко в реку. Раздался громкий всплеск.

— Мы сломали их хребет, — продолжил Верес, глядя на запад, в сторону вражеских земель. — Арминий остался с пехотой, вооруженной костяными наконечниками. Завтра мы пройдем остаток дефиле и выйдем к укреплениям на Липпе. Поставим там новую турбину взамен той, что перерасходовала уголь сегодня утром. И будем ждать зимы.

— Думаете, они полезут снова? — Лонг затоптал самокрутку сапогом.

— Нет, — Верес покачал головой. — Не полезут. Сегодня они привели всех, кого могли. Свою элиту. Свой последний довод. Они видели, как умирают их князья. Видели, как сталь режет бронзу, как вода превращается в оружие страшнее молнии Юпитера. Теперь они будут бояться леса. Будут бояться теней. Будут думать, что в каждом дереве сидит такой вот «Имморталис».

Центурион провел ладонью по нагруднику, стирая сажу. На бронзе осталась чистая полоса.

— Страх — лучшее мирное соглашение, которое может предложить Рим, — сказал он. — Дешевле, чем золото, и долговечнее, чем договоры. Отправляй голубя в ставку легата. Сообщение прежнее: Просека открыта. Варварский клин аннигилирован. Расход материалов в пределах нормы. Пусть присылают фургоны похоронной службы, здесь много рабо-

ты для мародеров. Нам нужно собрать всю годную бронзу с осей. Империя начинается с экономии ресурсов.

Лонг кивнул и пошел к своей машине.

Верес остался стоять посреди поля смерти. Солнце припекало макушку. Где-то рядом механик Гай орал на подчиненных, требуя немедленно начать демонтаж поврежденных сервоприводов с разбитых врагом ног их же собственного шагохода — запчасти никогда не бывают лишними. Впереди сигнальщик легиона уже поднимал красный вексиллум, обозначая место разбивки вечернего лагеря.

Война была холодным расчетом. Вычислением плотности металлов, площади парового контакта и стоимости человеческой жизни в пересчете на унции золота. Здесь, в грязи Тевтобургского леса, математика была на стороне тех, кто умел добывать качественную руду.

Рим владел недрами. А значит, завтрашний день тоже принадлежал ему. Фалер — наградная бляха в древнеримской армии, предшественница современных медалей. Фалькатус — изогнутый однолезвийный меч, известный в античности высокой рубящей способностью. Торакс — анатомическая кираса, часть защитного снаряжения легионера. Вексиллум — знамя римского легиона в виде квадратного куска

ткани, закрепленного на перекладине древка.

Глава 2. Опасное приключение

Пар пах железом, мокрой шерстью и смертью.

Этот запах вьелся в броню центуриона Тита Корнелия Вереса так глубоко, что даже стерильный озон внутри герметичной рубки «Имморталиса» казался лишь слабым отголоском внешней бойни. Битва за дефиле закончилась час назад, но война не отпускала своих палачей сразу. Она требовала времени на остывание котлов, замену уплотнительных прокладок и подсчет мертвецов.

Верес стоял на широкой стальной платформе правого плеча своего шагохода. Семиметровая махина под его ногами тяжело дышала, выпуская из вентиляционных решеток плечевого пояса густые клубы белого пара. Температура охлаждающей жидкости все еще превышала сто двадцать градусов Цельсия, и восходящие потоки горячего воздуха искажали перспективу, заставляя далекие деревья дрожать, словно в лихорадке. Центурион отстегнул фиксаторы тяжелого торакса — анатомической кирасы, выкованной по форме его грудной клетки. Броня упала с глухим стуком на палубу машины. Под ней оказалась простая льняная туника, насквозь пропитанная потом.

Воздух снаружи был ледяным после духоты топочного от-
деления. Легкие наполнились запахом торфяной сырости,
кислого дыма и сладковатой меди сгоревшего пороха. Солн-
це, наконец-то пробившее утренний туман, висело над Тев-
тобургским лесом тусклым медным диском. Оно освещало
сцену абсолютного, математического разгрома.

Земля вокруг просеки превратилась в серую, растрескав-
шуюся пустыню. Там, где ударили струи перегретого пара,
мох выгорел до самого базальта, оставив соляные разводы,
похожие на язвы проказы. Черные стволы вековых дубов
блестели от влаги и копоти, их ветви были срезаны осколка-
ми чугуна или просто сломаны многотонной поступью ма-
шин. Поляна была усеяна телами. Римская дисциплина пре-
вратила ярость германцев в статистику потерь. Большинство
погибло даже не от оружия: люди просто не успели убежать
от семиметровых гигантов. В грязи виднелись очертания че-
ловеческих фигур, сплюснутых плоскими стальными ступ-
нями вместе с оружием и щитами до толщины пергамента.
Другие лежали скорчившись — белесые, со следами крова-
вой пены на губах. Кислородный пар сварил им легкие из-
нутри быстрее, чем они успели осознать боль.

Легионеры-квартирьеры пятого Ульпиева уже шли по по-
лю битвы. Деловито, без тени брезгливости, вооруженные

длинными крючьями. Они переворачивали трупы, как мясники туши на рынке. Хорошие мечи, кольчуги тонкой работы и бронзовые гривны вождей срезались и складывались в волокуши. Все остальное — дешевая кожа, грубая шерсть, бесполезные деревянные щиты — оставалось воронам и личинкам. Экономика войны требовала сбора качественного железа. Империя начиналась с экономии ресурсов.

— Двадцать процентов потерь боезапаса фосфора, — доложил спустившийся вслед за командиром Гай. Механик-принцепс тяжело дышал, опираясь руками о колени. Его лицо было покрыто слоем черной угольной пыли, и только белки глаз сверкали безумно и ярко. — В третьем цилиндре компрессора лопнула уплотнительная прокладка. Нужно менять на стоянке, иначе завтра потеряем мощность на подъемах. И Тендер-Кайзер требует новую смену. Марций потерял сознание от теплового удара полчаса назад, мы отливали его водой из системы охлаждения.

— Поставишь прокладку из промасленной воловьей шкуры, продержится до укрепленного лагеря, — отмахнулся Верес, рассматривая горизонт. Он потирал седой затылок, пытаясь размять затекшую шею. Семь часов практически неподвижного стояния в стальной коробке вытянули из него остатки юношеской гибкости. — Кайзеру дай двойную порцию вина и нашатырь. Жив? Значит, годен. Ресурс челове-

ского тела рассчитан на большее, пусть вспоминает об этом почаще, когда лезет спать возле питательного насоса.

Гай кивнул, вытирая грязное лицо замасленным рукавом, и побрел обратно в жаркое нутро машины. Верес проводил его взглядом. Внутри «Имморталиса» сейчас шла своя, тихая война. Стук гаечных ключей, шипение проверочных манометров, монотонный гул форсунок. Это был звук дома. Звук цивилизации, перенесенной через океан варварства на поршнях и заклепках.

Центурион подошел к краю платформы и посмотрел вниз. Земля находилась в трех метрах под ним. Обычно он спускался по скоб-трапу, но сейчас усталость свинцом заливала икры. Он просто сел на край бронированного наплыва, свесил ноги в грубых кожаных калигах и спрыгнул.

Переход из микроклимата рубки в реальность всегда был болезненным. Резкая смена температуры заставила зубы клацнуть. Холодная грязь моментально пропитала сыромятные ремни сандалий. После постоянной вибрации палубы земля казалась зыбкой, нереальной, уходящей из-под ног. Мир замедлился. Верес сделал несколько шагов прочь от машины, разминая спину. Позвоночник отозвался громким хрустом. Он снял тяжелый полушлем с гребнем из красной щетины, позволив влажному ветру коснуться коротко стри-

женных волос. Несмотря на царящий в кабине жар, голова под шлемом была ледяной — результат постоянного сквозняка из смотровых щелей.

Его «Имморталис» возвышался над ним, как гора Олимп, забытая богами посреди германских болот. Даже стоя на коленях для принудительного охлаждения контуров, машина доставала макушкой до нижних ветвей старых дубов. Краска цвета «оксфордской охры» местами облупилась, обнажив серый зернистый металл. На правом бедре темнела глубокая свежая царапина — подарок от упавшей березы, которую машина просто проигнорировала, перешагнув через нее. Рядом с царапиной запеклась густая, черная кровь какого-то несчастного германца, имевшего глупость оказаться между деревом и имперским маршем.

— Доминус!

Верес обернулся. К нему тяжелой, уверенной походкой приближался Декурион Марк Эмилий Лонг — командир отряда разведки на легких одноместных скаутах-«Веспях». Его машина стояла неподалеку — приземистая, быстрая, похожая на металлического паука-сенокосца, вставшего на дыбы. В отличие от экипажей тяжелых шагоходов, разведчики носили облегченную броню из прессованной кожи и стали, а также открытые шлемы с широкими назатыльниками. Лицо

декуриона было красным от встречного ветра, но чистым от копоти. Разведка не сидела в железных коробках, она глотала пыль впереди.

— Впереди чисто до самого вала, — доложил Лонг, отдавая честь сжатым кулаком и тут же расслабляя пальцы, забыв про формальную субординацию передышки. — Заслоны Арминия сметены. Мы проехали две мили по северной кромке леса, видели только пару групп мародеров. Местные дикари пытались снять сапоги с наших же сгоревших пехотинцев. Пришлось успокоить их ручными баллистами. Экономия боеприпасов, доминус.

— Что слышно о самом вожде? — спросил Верес, протирая перчаткой стекло своего наручного барометра-анероида.

— Птичка упорхнула, — ухмыльнулся Лонг. У него не хватало левого верхнего резца — память о гражданской смуте десять лет назад. — Оставил нам свои обозы. Много золота, много женщин. И очень много плохих железных слитков, которые наши интенданты честно называют хламом, но тащат в фургоны. А вот мой наводчик утверждает, что видел пыль на северо-востоке. Большая пыль. Колесницы?

— Категория колесниц? — мгновенно подобрался Верес. Сонливость ушла, сменившись привычным охотничьим напряжением.

— Тяжелые. С косами. Священная гвардия Сегеста, судя по бунчукам из хвостов белых лошадей. Около полусотни

единиц. Идут клином. Хотят зайти нам во фланг, пока мы возимся в этой грязи и хороним своих тендерщиков.

Верес посмотрел на небо. Солнце поднималось выше, прогревая воздух. День обещал быть ясным. Идеальная погода для работы механизмов — плотность воздуха стабильна, охлаждение радиаторов работает эффективно. Идеальная погода и для вражеской кавалерии — колеса боевых серпниц не будут вязнуть в раскисшей почве поймы реки.

Центурион глубоко вдохнул. Холодный воздух обжег горло, окончательно выгоняя из легких остатки паровозного перегара. Он чувствовал приятную, звонкую усталость хорошо сделанной работы. Битва выиграна. Тактическая задача выполнена. Просека открыта. Но война только начиналась. Арминий проиграл этот раунд, потеряв лучших бойцов и элемент внезапности. Теперь в дело вступит тяжелая аристократия племен. Те, кто понимает, что лоб в лоб против Империи идти нельзя. Те, кто будет искать слабые места в шестернях.

— Передай по цепи, — сказал Верес, поворачиваясь к своему шагоходу. Касание холодного металла придало ему уверенности. — Механикам закончить продувку котлов. Залить резервные баки доверху. Выставить усиленные посты наблюдения за флангами. Всем орудийным расчетам сменить тип боеприпаса на бронебойные болты.

Он положил ладонь на холодный бок «Имморталиса». Где-то внутри, под слоями стали и асбестовой изоляции, утробно зарычал просыпающийся огонь. Машина отвечала хозяину едва заметной вибрацией, проходящей сквозь подошвы в кости голени.

— Пусть гости приходят, — добавил центурион, обращаясь скорее к машине, чем к декуриону. — Нам нужно испытать новые каленые сердечники. Да и обед сегодня задерживается, надо разогнать аппетит.

Лонг рассмеялся, оценив мрачный юмор ветерана, развернулся на каблуке и побежал к своей «Веспе». Через минуту его легкий разведчик сорвался с места, выпустив облачко сизого дыма от перегретого спиртового двигателя, и растворился в высокой траве заболоченной поймы.

Атмосфера внутри легкой «Веспы» напоминала склеп, который забыли закрыть на зиму. Узкая бронированная кювета, рассчитанная ровно на одного человека среднего телосложения, воняла керосином, озоном от искрящихся контактов и старым страхом. Декурион Марк Эмилий Лонг лежал ничком на жестком парусиновом гамаке, подвешенном в десяти сантиметрах над стальным полом. Его подбородок упирался в мягкий валик прицельного ложементa, глаза смотрели в

панорамный визир, окантованный потертой кожей.

Управление осуществлялось системой тяг, идущих вдоль всего корпуса машины. Правая рука сжимала рукоять главного дросселя подачи топлива. Каждый миллиметр ее хода отзывался изменением тональности рева двигателя позади спины. Левая рука лежала на шаре управления манипулятором-зондом — длинной титановой штангой, которая сейчас выдвигалась вперед на три метра, методично прощупывая дно невидимой речушки.

— Дельта-Два, держи дистанцию сорок локтей, — прохрипел Лонг в латунный раструб переговорной трубы. Голос прошел через усиливающую мембрану и вырвался наружу через акустический рог на корме машины. — Не прижимайся, ты вешишь больше, твоя гусеница поднимает волну. Если захлестнет мои воздухозаборники, я заглохну прямо в пасти у местной фауны.

— Принято, Дельта-Один, — ответил молодой голос пилота второй машины. — У меня фильтр забит мошкаррой. Радиатор греется, скоро сработает клапан.

— Остановишься — лично запихну тебе эту мошкарру в глотку вместе с фильтром, — беззлобно рыкнул Лонг. — Работаем клин. Я ведущий. Ты прикрываешь левый сектор. Остальные держат центр. Следите за термосканерами. Если увидите пятно теплее окружающей воды на два градуса —

доклад немедленно. Это либо коряга, либо желудок гигантской пиявки. Оба варианта смертельны для нашей тонкокожей красоты.

Отряд состоял из пяти машин. Пятая рота вспомогательной алы батавов, переведенная на экспериментальные разведывательные скауты полгода назад. Батавы понимали толк в болотах — их предки жили среди ила задолго до того, как первый римский орел пересек Рейн. Но одно дело ходить по трясине на деревянных лыжах, и совсем другое — вести туда пятидесятифунтовый кусок вибрирующего металла с баком спирта внутри.

Болото Германика жило своей жизнью. Воздух здесь был плотным, осязаемым. Он давил на грудь, оседал липкой влагой на стеклах защитных очков. Запахи наслаивались друг на друга: острый аммиак птичьего помета на редких островках суши, сладкий смрад гниющих водорослей, терпкий дух можжевельника и едкая химическая вонь метана, поднимающегося пузырями со дна. Мелкая мошकारа вилась над машинами серыми смерчами, разбиваясь о лицевые пластины шлемов с сухим треском, похожим на падение песка.

— Термоскан пищит! — раздалось по цепи. — Два часа! Пятно крупное, движется медленно. По контуру севернее камышей.

— Всем стоп-машина, — скомандовал Лонг. — Глуши двигатели. Охлаждение пассивное.

Пять двигателей синхронно кашлянули и затихли. Рев, который последние полчаса разрывал барабанные перепонки, исчез, уступив место первобытной тишине. Только шелест ветра в сухих метелках камыша и редкое, сытое чавканье чего-то крупного в двухстах локтях справа.

Лонг отключил питание ходовой части, щелкнув массивным рубильником. Вибрация пола прекратилась. Наступила ватная глухота. Декурион осторожно приподнял голову над краем смотровой щели, сдвинув вбок броневую заслонку. Он активировал линзы тактического визира. Картинка приблизилась, очищенная цифровым фильтром от испарений.

То, что издалека казалось плавающим бревном, имело сегментарное строение. Гигантская пиявка. Королевская особь. Ее тело, толщиной с туловище взрослого быка, переливалось иссиня-черным глянцем. Она двигалась странными, пульсирующими рывками, сокращая мышцы так, что ее пятнадцатифутовая длина то сжималась в ком, то выстреливала вперед. На переднем конце тела зияла круглая присоска размером с корабельный штурвал, усаженная рядами мелких, прозрачных зубов-игл. Сейчас чудовище лениво пожирало тушу лося, запутавшегося в затопленных ветвях. Зву-

ки отрываемого мяса и ломающихся костей разносились над водой с тошнотворной отчетливостью.

— Объект классифицирован как *Hirudo Maximus Rex*, — спокойно констатировал Лонг в трубу, хотя знал, что связь заглушена. — Интеллект животный. Реагирует на тепло и вибрацию почвы. Пока мы холодные и молчим, мы для него — просто часть ландшафта. Как приятно чувствовать себя частью пейзажа.

Пиявка закончила с лосем. Она начала втягивать свое раздувшееся тело обратно в мутную воду. Уровень поверхности упал на полфута, обнажая корни деревьев, покрытые зеленой слизью.

— Малый вперед, — выдохнул Лонг. — Электромоторы. Питание только на сервоприводы гусениц. Никаких двигателей внутреннего сгорания, пока не перейдем плесо. Наводчик, целься ей в середину, если повернет к нам. Бей кислотным зарядом под присоску, там нервный узел. Но только если она дернется первая. Приказываю экономить заряды, парни. Кислотные капсулы стоят дороже, чем годовое жалованье вашей шлюхи в Могонциаке.

Машины двинулись. Беззвучно, на малых электрических оборотах. Вода расступалась перед скошенными носами

«Весп», смыкаясь позади маслянистыми воронками. Манипулятор-зонд первой машины ритмично опускался в ил и поднимался, рисуя в жиже замысловатые узоры. Дзинь. Твердая глина. Дзинь. Затопленная коряга. Дзинь... Металл лязгнул обо что-то пустое.

— Провал слева! — крикнул мехвод третьей машины. — Старая бобровая нора, глубина пять локтей! Обхожу правее по моим следам!

Лонг вел отряд по идеальной синусоиде, огибая промоины. Его руки двигались почти незаметно, чувствуя машину как продолжение собственного позвоночника. «Веспа» повиновалась малейшему движению кисти. Эта скорость реакции и делала легкую пехоту незаменимой. Тяжелый «Имморталис» мог раздавить любую угрозу, но чтобы найти эту угрозу в лесу, сначала должен был проползти разведчик.

Спустя четверть часа такого напряжения — когда каждый пузырек газа в воде заставляет сердце пропускать удар — они вышли на относительно сухую возвышенность. Древняя морена, оставленная ледниками тысячи лет назад. Здесь рос настоящий сосновый бор. Деревья стояли редко, песок под ногами был белым и чистым. Воздух стал пригоден для дыхания.

— Отряд стой, — скомандовал Лонг. — Активное охлаждение. Проверить оружие.

Разведчики высыпали из машин. Десять человек в темно-серой униформе диверсионных подразделений. Никакой строевой подготовки, никакой парадной амуниции. Их снаряжение состояло из портупей, набитых инструментами, гранатами и запасными батареями. Вооружение — короткие пневматические карабины, стреляющие оперенными дротиками со стрельным ядом, и тяжелые тесаки-мачете для рубания пути.

Лонг спрыгнул на землю последним. Ноги затекли от долгого лежания в одной позе, суставы отозвались болью. Он расстегнул ворот куртки, позволяя прохладному ветерку коснуться шеи.

— Привал десять минут, — объявил он. — Осмотреть ходовую. Третья машина, у тебя подтекает гидравлика на левом катке. Замотай паклей, дальше пойдет глубже, вода разъест масло за милю.

— Есть, декурион, — отозвался механик, опускаясь на колени рядом с сочленением трака.

Лонг отошел чуть в сторону, взобрался на поваленный ствол сосны и достал из-за пазухи карту. Настоящую, бумаж-

ную, защищенную тонким слоем каучука. Он извлек из кармана компас-часы, сверился с азимутом.

Следы варваров вели строго на восток. Прямиком в самое сердце Великого Болота. Судя по глубине отпечатков босых ног и обломанным веткам, они бежали. Паника началась еще до встречи с колонной Вереса — возможно, дозоры Арминия передали дымами сигнал о появлении «Имморталисов», и племена поняли, что их старый мир закончился.

Но куда важнее были следы телег. Две повозки увязли вот здесь, в низине. Варвары бросили груз — зерно, ткани, может быть, пленников. Но третья колея вела дальше. Широкая, продавленная. Такую оставляют колеса с бронзовыми ободами шириной в ладонь. Священная гвардия Сегеста. Аристократы лесных кланов. Люди, чьи родословные восходили к самим богам грозы, а состояние измерялось табунами вороных коней. Они не привыкли бежать. Они пошли напролом, надеясь на мощь своих четверок.

— Эй, начальник, иди сюда! — позвал один из разведчиков, копавшийся в прибрежных зарослях тростника.

Лонг сложил карту и спрыгнул с бревна. Разведчик указывал на землю. На мокром песке четко отпечатался след подковы. Огромной, кованной боевым кузнецом. Рядом валялась

щепка дерева, пропитанная свежей кровью.

— Лошадь потеряла подкову, — сказал разведчик. — Бежала галопом. Хромала на правую переднюю.

— Или ее подстрелили, — закончил за него Лонг. — Свежая кровь. Час, максимум полтора. Они опережают нас на длину полета стрелы. Седлайте машины. Мы садимся им на хвост. Привалы отменяются до темноты. Кто почувствует сон — пьет стимулятор. Мне нужны мертвые герои на том берегу, а живые солдаты, способные нажать на курок.

Десять минут растянулись в три. Механики торопливо затягивали гайки, проверяли давление в баллонах сжатого воздуха для баллист, чистили контакты распределителей зажигания. Лонг лично обошел каждую машину, хлопая водителей по плечам.

— Дельта-Пять, — остановился он у последней «Веспы». За рычагами сидел совсем юный парень, лет восемнадцати, весь в веснушках. — Почему уровень спирта ниже риски?

— Утечка в магистрали, доминус, — побледнел юноша. — Прокладка...

— Дай сюда руку, — мягко сказал Лонг. Парень протянул дрожащую ладонь. Декурион вложил в нее серебряный динарий. — купишь себе новую прокладку в Капуе, когда вернемся. А сейчас вылей половину личного запаса воды в бак. Спирт разбавится, гореть будет хуже, тяга упадет, зато

двигатель не вспыхнет факелом, когда мы нырнем в очередную лужу. Вопросы есть?

— Никак нет, декурион! — голос парня окреп. Страх смерти часто лечится простым человеческим участием лучше, чем трибуналом.

— Свободен, — Лонг пошел к головной машине.

Он занял свое место, опустил заслонку и включил магнето. Двигатель схватился с пол-оборота, выбросив облако синеватого дыма. Визир ожил, показывая тепловые сигнатуры остальных четырех машин.

— Дельта-Один всем постам, — произнес он, нажимая педаль связи. — Формация «Клин». Держитесь моей кормы. Идентификатор цели — свежий лошадиный навоз и паника. Режим движения — скрытный. Погнали развлекаться.

Рот «Веспы» ощерился короткими стволами пневматических орудий. Декурион толкнул главный дроссель. Машина прыгнула вперед, вгрызаясь стальными когтями протектора в мягкую почву лесной тропы.

Ядовитые болота Германика считались непроходимыми. Римские картографы рисовали на их месте ровное

зеленое поле с лаконичной надписью «Terra Incognita et Mortifera» (Неведомая и Смертоносная земля). Местные племена обходили эти топи десятой дорогой, используя их как естественную границу своих владений. Лишь немногие изгнанники-друиды знали тайные гати, да и те предпочитали держаться твердой земли.

Скауты-«Веспы» доказывали ошибочность этих представлений одним своим существованием. Низкий силуэт, смещенный вниз центр тяжести и широкие гусеницы из переплетенных стальных пластин позволяли им скользить по поверхности зыбунов, там, где человек ушел бы на дно за секунды.

Но законы физики обмануть невозможно. Чем глубже они заходили в сердце болота, тем сильнее менялся окружающий мир. Деревья становились уродливыми, искривленными болезнью. Сосны здесь росли под углом в сорок пять градусов, их иглы приобрели нездоровый желтоватый оттенок. Воздух стал тяжелым, маслянистым. Каждый вдох давался с трудом, вызывая легкое головокружение от нехватки кислорода и переизбытка болотных газов.

— Дельта-Три вызывает Первого, — голос в трубе звучал сдавленно, с присвистом. — Мой водитель просит передать, что его тошнит. Говорит, цвет неба неправильный.

— Скажи своему водителю, что цвет неба правильный, это у него в глазах двоится от паров спирта, — отрезал Лонг. — Следи за левым флангом. Видишь тот кривой дуб с белой корой?

— Вижу.

— Под его корнями выход радона. Если датчики начнут фонить — объезжай по большой дуге. Мне не нужен рак легких у экипажа, бюджет легиона этого не покроет.

Термосканер на панели перед глазами Лонга периодически издавал тонкий писк. Красные пятна на экране множились. Теплокровные существа кишели внизу. Большие темные массы, неподвижные — спящие аллигаторы или огромные сомы. Быстрые мелкие росчерки — стаи диких свиней или одичавшие собаки. Но главной угрозой оставались пьявки.

Они появились внезапно. Сначала одна. Она отделилась от донной грязи прямо под правой гусеницей второй машины. Водитель слишком сильно газанул, создав подводную волну, которая разбудила хищницу.

Тварь выстрелила вверх, как арбалетный болт. Ее тело мелькнуло смазанной полосой. Зубастая присоска с жутким влажным хлопком впечаталась точно в стык между бронеплитами моторного отсека «Веспы»-Два.

— Контакт снизу! — истошно заорал наводчик. — Она присосалась! Пробуем кислоту!

Водитель второй машины совершил ошибку новичка — он ударил по тормозам и резко дал полную тягу назад, пытаясь сбросить чудовище инерцией. Гусеницы бешено закрутились в обратном направлении, подняв фонтаны черной жижи. Но пиявка держалась. Более того, она начала сокращаться, подтягивая свою огромную массу к корпусу машины.

— Ствол заклинило! Сектор обстрела перекрыт корпусом! — продолжал кричать наводчик. — Командир, она прогрызает сталь! Я слышу скрежет!

Лонг среагировал мгновенно.

— Дельта-Два, полный правый разворот! Попытайся перевернуть ее на солнце! Дельта-Четыре, заходи сзади, бей гарпуном в основание головы, постарайся оттянуть!

— Она током бьет! Меня трясет! — взвыл мехвод Четвертой. Электрическое сопротивление влажной кожи пиявки использовало корпус машины как проводник.

Вторая «Веспа» завертелась юлой. Законы гидродинамики работали против них — вместо того чтобы перевернуть-

ся, пиявка лишь крепче впилась присоской, работая хвостом как винтом. Она начала изгибаться, занося заднюю часть тела для удара. Щупальце-плавник длиной в человеческий рост занеслось над открытой кабиной наводчика.

— Бей ее мачете! — скомандовал Лонг, выворачивая собственную машину так, чтобы закрыть телом союзника наиболее опасный вектор атаки. — Руби по присоске!

Наводчик Второй, мальчишка с перебитым в прошлом носом, действовал на инстинктах. Он откинул люк аварийного выхода — маленькую створку прямо под его грудью — и буквально вывалился на покатую броню крыши. В руке у него блеснул широкий тесак из дамасской стали. Чудовище ударило. Щупальце обрушилось вниз. Мальчишка рухнул ничком, распластавшись по горячему металлу. Острая костяная кромка на конце щупальца прошла в дюйме от его головы, выбив сноп искр из смотровой щели.

В этот момент Четвертая «Веспа» выполнила идеальный маневр. Она зашла строго с кормы пиявки. Из пусковой установки на ее спине вылетел гарпун. Наконечник с четырьмя лепестками вошел в студенистую плоть чуть ниже зубастой воронки. Гидравлический поршень лебедки сработал, трос натянулся.

Одновременно водитель Второй машины понял приказ командира. Вместо того чтобы пытаться уехать, он бросил штурвал и начал вручную крутить вентиль экстренного сброса давления из правого топливного бака. Спирт под огромным давлением ударил в змеевик подогрева, превращаясь в перегретый пар. Температура выхлопа под брюхом скачкообразно выросла до критической отметки.

Пиявка содрогнулась. Кипящая смесь пара и спиртовых паров обожгла ее нежное подбрюшье. Присоска рефлекторно разжалась. Хищница отлетела в сторону, извиваясь в агонии, и плюхнулась в воду, подняв столб брызг и гнилых листьев.

— Дельта-Два, статус! — рявкнул Лонг, гася собственную скорость.

— Живы, — прохрипел голос водителя. — Наводчик слегка оглушен собственным героизмом. Броня цела, но уплотнитель люка сорвало. У нас течь. И мы потеряли тридцать литров горючего впустую. До базы можем не доползти.

— Доползете на честном слове и на одном крыле, — буркнул Лонг. — Наводчику выпить водки из фляги. Руки проверить, могла оставить электрический ожог. Продолжаем движение. И запомните все: эта тварь испугалась жара. Если ползет снова — открывайте контур охлаждения прямо ей в пасть. Сделаем чай.

Экипажи ответили нервным смехом. Адреналиновый отходняк бил мелкой дрожью. Лонг взглянул на свой датчик уровня топлива. Цифры поползли вниз быстрее ожидаемого. Весь отряд тратил ресурс на повышенных оборотах, избегая столкновений.

Впереди, меж двух островов, соединенных естественной каменистой грядой, показалось нечто новое. Дорога. Настоящая дорога. Варвары построили здесь гать из целых стволов лиственницы, уложенных поперек движения. Брынза была старой, покрытой скользким зеленым мхом, но она выдерживала вес людей. И, что более важно, она могла выдержать вес легких колесниц.

— Вот теперь начинается настоящая работа, — прошептал Лонг, припадая к визиру. — Всем перейти на дизельные двигатели малого хода. Искры от свечей подожгут мох, выдадим себя с головой. Тихо, как мыши в соборе.

Они выскользнули на гать. Дерево гулко загудело под гусеницами. Звук разнесся над болотом на целую милю. Лонг замер, вслушиваясь. Слева, со стороны большого острова, донеслись голоса. Громкие, раздраженные. Речь германская, лающая, полная ругательств.

Лонг поднял сжатый кулак. Машины остановились, как вкопанные. Декурион переключил оптику визира на максимальное увеличение. Фильтры очистили картинку от тумана.

На острове, у подножия древнего идола — грубо вытесанного столба с вырезанным лицом бога Вотана — кипела жизнь. Остатки гвардии Сегеста. Лонг насчитал около тридцати воинов. Все в хорошей броне, с дорогими мечами. Но выглядели они скверно. Мундиры измазаны грязью, лица бледные, испуганные. Несколько человек лежали на носилках из копий, укрытые шкурами. Раненые.

А рядом... Сердце Лонга пропустило удар, а затем забило вдвое чаще. Три боевые колесницы класса «Сerpница». Величественные и беспомощные одновременно. Массивные платформы из мореного дуба, поставленные на тяжелые колеса с широкими бронзовыми ободьями. Из ступиц торчали длинные, изогнутые лезвия из сыродутного железа — серпы длиной в полтора метра. Сейчас они были покрыты бурыми пятнами, отнюдь не ржавчиной.

Две колесницы прочно увязли. Их тяжелые колеса ушли в болотистую почву по самую ось. Дерево разбухло от влаги, бронзовые втулки заклинило. Огромные косматые лошади, запряженные четверками, ревели и грызли удила, падая на колени от бессилия. Возничие — молодые аристократы с та-

туировками знатных родов на лицах — бегали вокруг, рубя мачете прибрежный кустарник и пытаясь подложить под колеса срубленные стволы. Ничего не помогало. Инженерная мысль Рима давно доказала: колесо предназначено для камня и сухой земли. Для грязи нужна суставчатая нога или бесконечная лента гусеницы.

Третья колесница стояла на небольшом холмике. Она уцелела, но одно из ее огромных колес было разбито вдребезги. Осколок римского чугунного снаряда — случайный привет из прошлой битвы — начисто снес деревянную спицу и повредил обод. Повозка накренилась набок, превратившись в стационарную баррикаду.

— Золото само идет в руки, — выдохнул Лонг в микрофон. — Дельта-Один всем машинам. Приоритет целей: лошади. Огонь только зажигательными дротиками. Наша задача не убить их всех, наша задача — заставить их бросить технику. Берем языка из тех, кто выглядит побогаче. Работаем с дистанции двести шагов, из-за вон той группы ив. Наводчики, делайте поправку на влажность, плотность воздуха растет, траектория уйдет ниже. Время пошло.

Разведчики начали занимать позиции. «Веспы» бесшумно скатились с гати в воду, скрываясь по самые башни в зарослях камыша. Над поверхностью остались только тонкие

жерла пневматических орудий и верхушки антенн.

Варвары продолжали суетиться. Один из вождей — огромный детина с золотой гривной на шее и синей спиралью, обвивающей всю левую руку — орал на возникшего исправной колесницы, требуя бросить товарищей и уходить, пока несут заводных лошадей. Дисциплина трещала по швам. Аристократия столкнулась с физикой и проигрывала.

Лонг выбрал цель. Молодой воин в прекрасной кольчуге мелкого плетения, командовавший группой у увязших колесниц. Он стоял спиной к реке, отчаянно пытаясь высвободить застрявший бронзовый топор из расщепленного бревна гати. Идеальный профиль.

— Дельта-Три, готовность. Цель — золотая цепь на груди. Два вдоха на поправку ветра. Огонь по моему приказу.

— Готов, — прошелестел ответ.

— Дельта-Пять, твой сектор — лошади крайней колесницы. Делай аккуратно, мне не нужен пожар на весь лес, достаточно подпалить им хвосты.

— Понял.

Лонг задержал дыхание. Палец лег на спусковой крючок совмещенного спуска орудия и маркера целеуказания. Двести шагов. Для пневматики калибра двенадцать миллимет-

ров это идеальная дистанция убойного боя. Скорость дротика на выходе из ствола превышает скорость звука. Человек не услышит выстрела, прежде чем снаряд пронзит его ребра.

Ветер стих. Над болотом повисла звенящая, стеклянная тишина. Было слышно, как жужжат слепни над крупами обездумевших лошадей.

— Залп, — выдохнул Лонг.

Мир взорвался звуком рвущейся бумаги.

Это не было похоже на грохот артиллерии «Имморталисов». Пневматика «Весп» работала почти бесшумно для человеческого уха, выдавая свое присутствие лишь коротким шипением вырвавшегося сжатого воздуха и специфическим хлопком преодоления звукового барьера.

Первый залп ударил в толпу варваров, как невидимый цеп. Пять дротиков калибра двенадцать миллиметров нашли свои цели за долю секунды. Тот самый вождь с золотой гривной получил снаряд точно в основание черепа. Он не вскрикнул. Его голова просто дернулась вперед, и он ткнулся лицом в грязь, продолжая сжимать топор. Кровь смешалась с бо-

лотной водой, окрашивая ее в густой черно-багровый цвет.

Второй залп пришелся по лошадям. Дельта-Пять выполнил работу ювелирно. Зажигательные дротики с фосфорными наконечниками не попали в сами туши — они ударили в кожаные постромки и деревянные оси повозок. Белый фосфор жадно вцепился в сухое дерево и смазку. Вспыхнул неярким, почти прозрачным пламенем в первые доли секунды, а затем превратился в ослепительное белое солнце, источающее густой клуб ядовитого дыма.

Огонь перекинулся на хвосты животных. Огромные косматые звери лесной породы, никогда не знавшие огня вблизи, сошли с ума от боли. Они рванули в разные стороны, игнорируя поводья. Кожаный шнур, привязанный к поясам возничих, натянулся как струна. Одного молодого аристократа просто смело с козел — его позвоночник хрустнул о край платформы с сухим треском сухого хвороста.

Хаос начался мгновенно.

— Стоять! Куда?! Назад, ублюдки! — пытался перекрыть вопли раненых старший из выживших вождей, но его голос потонул в общем гвалте.

Те, кто

Те, кто не был убит или покалечен первым залпом, оказались в ловушке собственного непонимания. Для германско-го аристократа война — это поединок вождей, столкновение воли и ярости лицом к лицу. Римская пневматическая засада из-под воды ломала их картину мира с треском лопающейся кости.

— Дельта-Один всем машинам, огонь по готовности! Не давайте им сгруппироваться! — рывкнул Лонг, смещая прицел на следующую цель.

Его наводчик, опытный ветеран по прозвищу «Слепой» (потому что видел траекторию дротика лучше, чем собственную ладонь), работал рычагами накачки давления. Манометр дрожал у красной черты. Пневмоаккумулятор выдавал последние пси перед тем, как клапанам потребуется пауза на подзарядку от ручного насоса.

Второй залп ударил по лошадям исправной колесницы, той самой, которую вождь пытался бросить ради спасения собственной шкуры. Зажигательные заряды попали точно в крупы задних животных. Визг, полный первобытного ужаса, резанул по ушам даже сквозь толщу брони «Веспы». Огромные косматые звери взмыли на дыбы. Огонь перекинулся на деревянные оглобли, пожирая смолистую сосну за секунды. Повозка дернулась вперед, оседая на один бок — правое зад-

нее колесо соскочило с оси. Серпы, закрепленные на передней поперечной балке, со страшным скрежетом вонзились в бревна гати. Колесница замерла, превратившись в чудовищную железную ловушку, перегородив единственную дорогу к отступлению.

Лошади без возничих понесли прямо через топь. Их копыта вязли в жиже, но животный ужас гнал вперед. Одно животное поскользнулось, упало на бок и забилося в конвульсиях, ломая собственные ноги. Болотная вода вокруг него мгновенно покраснела.

Варвары заметались. Дисциплина Священной гвардии рухнула быстрее, чем мокрый песок. Аристократы привыкли вести людей за собой примером безумной храбрости, но сейчас они видели только смерть, прилетающую ниоткуда. Те, кто похрабрее, выхватили короткие мечи-браксы и бросились к зарослям ив, пытаясь достать невидимых стрелков вплотную. Остальные просто побежали вдоль берега, спотыкаясь о скользкие корни.

— Дельта-Четыре, бери левый фланг! Дельта-Пять, центр! Работаем картечью на ближней дистанции! — Лонг толкнул рукояти управления. Его «Веспа» рыкнула двигателем, выплевывая облако сизого дыма, и выползла из камышей на открытую воду.

Это было нарушением всех тактических наставлений. Выходить легкой разведкой против тяжелой пехоты врага — самоубийство. Но страх нужно добивать демонстрацией силы. Пусть видят машину целиком.

«Веспа» Декуриона вылетела на старую гать, разворачиваясь бортом. Башенка спаренных орудий калибра двадцать миллиметров повернулась на гидроприводе. Наводчик Слепой оскалился, обнажая металлические зубы:

— Сейчас я сделаю им красиво, командир.

Дистанция сократилась до пятидесяти шагов. Группа из пяти воинов херусков, во главе с бородатым жрецом в рогатом шлеме, бежала прямо на них. Жрец ревел молитвы Вотану, размахивая огромным бронзовым молотом. Он думал, что стальная черепаха ползет медленно.

— Картечь, — холодно скомандовал Лонг.

Грохот ударил по барабанным перепонкам внутри тесной кабины. Стволы выбросили облака сизого порохового дыма. Разрывные чугунные шарики калибра пять миллиметров накрыли сектор впереди сплошным ковром. Для человека пятьдесят шагов — расстояние хорошего броска пилума. Звук разрыва сотен свинцовых шариков достиг позиций

легиона раньше, чем сами снаряды. Это был звук мокрого холста, который рвут руками сотни людей одновременно.

Передняя линия атакующих перестала существовать. Картечь прошла сквозь кожаные панцири и кольчуги, как игла сквозь ткань. Бородатого жреца буквально разорвало пополам на глазах у его соратников. Верхняя половина туловища осталась стоять на мгновение, все еще сжимая молот, прежде чем рухнуть в грязь. Остальных отбросило назад, на спины бегущих товарищей. Кровавый туман поднялся над водой.

Оставшиеся варвары дрогнули. Инстинкт самосохранения победил племенную гордость. Они развернулись и бросились бежать обратно к идолу, надеясь укрыться за массивными камнями алтаря.

— Вожди уходят к дубу! Трое направо! — закричал мехвод, указывая рукой в толстой перчатке.

Высокий воин в великолепной кольчуге, украшенной золотыми фалерами римской работы — явно трофейными — тащил на себе раненого юношу. За ними следовал знаменосец. Древко штандарта с волчьим черепом глубоко увязло в грязи, и знаменосец отчаянно тянул его на себя, открыв спину.

— Мой трофей, — процедил Лонг. — Дельта-Три, отсе-
кай остальных. Не дай им уйти в лес. Слепой, магический
болт.

Магическим болтом на языке разведки назывался един-
ственный бронебойный оперенный дротик из закаленной
стали, оставшийся в казеннике левого орудия. Он предна-
значался для пробития щитов центурионов вражеской охра-
ны. Обычная пневматика лишь оглушила бы такую цель.

Наводчик выдохнул и задержал дыхание, затаиваясь. Рас-
стояние — семьдесят метров. Движущаяся цель. Наводчик
повел стволом чуть опережая бегущего вождя, беря поправ-
ку на инерцию тяжелого тела.

Выстрел. Короткое шипение. Всплеск сжатого воздуха.

Стальной стержень вошел точно между лопатками воина.
Кольчуга мелкого плетения разошлась, словно бумага. Дро-
тик прошел тело насквозь, вышел через грудную клетку и,
потеряв скорость, упал в воду в десяти шагах впереди. Вождь
сделал еще два шага по инерции, схватился за древко прон-
зившего его металла, недоуменно посмотрел на свои окро-
вавленные ладони и рухнул ничком, подняв фонтан брызг.
Раненый юноша, которого он нес, перелетел через его голову
и остался лежать неподвижно.

Знаменосец остолбенел от ужаса. Он выпустил древко и поднял руки, демонстрируя пустые ладони. Из его горла вырвался не крик, а тихий скулеж побитой собаки.

— Дельта-Два, живо ко мне! Забираем падаль! — командовал Лонг. — Остальным держать периметр! Следите за кронами деревьев, там могут быть лучники!

Вторая «Веспа», та самая, с пробитым уплотнителем и запахом спирта в кабине, выскочила из укрытия. Ее гусеницы проскользнули по мокрому дереву, машину занесло юзом, но водитель выровнял ее. Она остановилась в двух шагах от лежащего вождя. Люк башни откинулся, и наружу выбрался тот самый юный наводчик-механик. Он спрыгнул в воду, доходившую ему до колен, и вытащил из-за пояса тяжелый тесак.

— Только попробуй испортить броню, щенок, — бросил ему Лонг через внешний динамик. — Режь ремни кирассы снизу. Золото снимем потом, когда погрузим тушу на палубу.

Парень кивнул, присел на корточки и принялся деловито кромсать кожаные шлейки роскошной кольчуги. Работа спорилась. Страх смерти делает пальцы удивительно проворны-

ми.

— Дельта-Один вызывает базу, — Лонг переключил частоту на дальнюю связь, прижимая ларингофон к горлу. — Центурион Верес, говорит декурион Лонг. У нас тут вечеринка удалась. Гости разбежались, оставили подарки. Один крупный экземпляр доставлен в упаковке. Бронза высшего качества, золотая гривна весом в фунт. Плюс знамя племени. Потерь нет, легкие повреждения техники. Расход боеприпасов — тридцать процентов боекомплекта.

— Принято, Дельта-Один, — прохрипел в ответ голос Вереса, искаженный медью переговорной трубы. — Отставить сбор металлолома. Приказ меняется. Пленника связать, заткнуть рот и оставить под охраной одной машины. Знаменосца взять живым и допросить немедленно. Вы выдвигаетесь дальше. Северо-восток, квадрат четырнадцать. По данным аэрофотометрии тяжелых шагоходов, основная масса беженцев Арминия пытается форсировать Великую Топь. Они строят плоты. Ваша задача: найти место переправы, оценить плотность скопления противника и ждать подхода наших саперов. Мы подогнали баржи с горючими снарядами. Нужно сварить эту грязь.

— Вас понял, доминус, — Лонг почувствовал, как уголки его губ сами собой растягиваются в хищной усмешке. — Идем готовить ужин. Конец связи.

Пленник оказался ценнее, чем ожидалось. Пока бойцы Четвертой «Веспы» вязали руки знаменосцу сыромятными ремнями, Лонг лично осмотрел мертвого вождя. Стащив с головы трупа тяжелый шлем с чеканными волчьими мордами, он увидел знакомое лицо. Старейшина рода Ансгариев. Человек, чьи слова имели вес на совете племен равный словам самого Арминия.

— Отличная работа, парни, — сказал Лонг, выпрямляясь. — Сегодня мы купили Республике неделю времени одним удачным выстрелом. Без этого типа их совет развалится на грызню за наследство еще до заката. Грузите его головой назад, пусть охлаждается. Юный герой, — он обернулся к мальчишке-наводчику Второй машины, который все еще стоял в воде, тяжело дыша. — Как звать?

— Гай Туллий, декурион, — вытянулся тот, хотя вода заливалась ему в сапоги.

— Будешь жить долго, Гай Туллий. Потому что везучий дурак иногда полезнее умного труса. Запомни этот день. Когда вернемся в лагерь, твоя фляга никогда не будет пустой. А теперь помоги своему водителю замотать дыру промасленным шелком, пока вы оба не вспыхнули от случайной искры.

Связанный знаменосец сидел на корме третьей машины,

мотая головой. Контузия от близкого взрыва картечи лишила его слуха, но глаза были ясными и полными животного страха. Лонг подошел к нему, присел на корточки, чтобы их лица оказались на одном уровне, и достал свой кинжал. Он приставил лезвие к мочке уха пленника.

— Смотри внимательно, — тихо сказал декурион на грубом, лающем диалекте херусков, которому научился у батавских проводников. — Видишь мою руку? Она не дрожит. Я могу отрезать тебе ухо. Могу отрезать нос. Могу содрать кожу с твоих пяток полосками шириной в палец. Будет очень больно. Рим умеет делать боль бесконечной. Но если ты будешь хорошим мальчиком и покажешь моим пилотам брод через Большую Топь, я подарю тебе чистую смерть. Быстро. Ты просто уснешь. Выбор за тобой. Где плотины Арминия?

Он слегка провернул лезвие. Пленник зажмурился, из глаз потекли слезы. Затем он судорожно закивал, издавая булькающие звуки.

Лонг убрал нож и встал.

— Кажется, у нас появился экскурсовод. Малый ход. Курс норд-ост. Держитесь русла пересохшей реки, там дно каменистое. Если наш друг начнет влиять или покажет неверное направление — сбросьте его за борт на середине течения.

Рыбы здесь голодные.

Отряд перестроился. Впереди шла Первая «Веспа» Лонга, прокладывая путь манипулятором-зондом. Позади нее, соблюдая дистанцию в десять локтей, двигались остальные. Связанный знаменосец лежал пластом на крыше второй машины, привязанный к орудийной турели. Каждый раз, когда двигатель кашлял выхлопом, пленник вздрагивал, ожидая огня.

Болото становилось глубже. Деревья исчезли вовсе. Теперь вокруг простиралась открытая водная гладь, покрытая островками зеленой ряски и цветущими белыми лилиями. Воздух стал невыносимо тяжелым, наполненным густым ароматом гниения. Под днищем машин начали чавкать пузыри метана. Одна такая вспышка газа позади Третьей «Веспы» дала столб пламени высотой в три метра. Мехвод едва успел дать газу, спасая корму от опаливания.

— Дельта-Три, смотри куда едешь! — прикрикнул Лонг. — Тут внизу торф. Если подожжем слой — сгорим заживо вместе с местной фауной. Никакой романтики, только физика процесса.

Они шли так уже около часа. Солнце начало клониться к западу, окрашивая испарения над водой в болезненно-ли-

ловый цвет. Термосканеры показывали скопление крупных тепловых пятен впереди, примерно в трех милях. Сотни живых тел.

— Приготовить оптику, — приказал Лонг. — Переходим на электрическую тягу. Полная тишина. Посмотрим, насколько сильно Арминий любит своего бога Вотана сегодня вечером.

Впереди, преграждая путь всему болоту, возвышалась естественная дамба — длинная гряда гранитных валунов, торчащих из воды черными клыками. Именно здесь природа создала единственное место, где можно было протащить тяжелые повозки на другой берег. Варвары понимали это. Вся северная часть гряды была запружена людьми.

Картина, открывшаяся в визир при максимальном приближении, заставила Лонга грязно выругаться. Армению действительно удалось собрать остатки своей армии. На камнях, на спешно сбиваемых плотам из дверей разрушенных домов и целых древесных стволов, находились тысячи человек. Женщины, дети, старики, раненые воины. Весь обоз племени. Рев скота смешивался с плачем младенцев и монотонным гулом голосов. Люди пытались переправиться на южный берег, но течение здесь было слишком сильным, а камни — скользкими. Плот за плотом переворачивались, по-

глощаемые черной водой. Паника нарастала.

Но самое главное ждало их на противоположном конце гряды. Там, где начиналась твердая земля.

Там стояли новые враги.

— Мать честная... — выдохнул Слепой, отрываясь от оптики. — Командир, взгляните на это.

Лонг взял тяжелый артиллерийский перископ. То, что он принял издалека за частокол, оказалось стеной из щитов. Идеально ровный строй. Около трехсот воинов. Все в тяжелой броне, закрывающей даже бедра. Шлемы с масками кабанов и медведей. В центре строя, воткнутые в расщелины камней, развевались огромные штандарты из белых лошадиных хвостов.

Священная гвардия Сегеста. Та самая полусотня элитных колесниц, которая должна была зайти римлянам во фланг днем. Здесь была едва ли треть от их числа. Остальные остались гнить в пойме реки, раздавленные сталью «Имморталисов». Но эти выжили. И они сменили тактику.

Никаких колесниц. Никаких серпов. Эти люди сошли с платформ. Они построились классической «черепашей» —

testudo, слизанной у самих же римлян после десятилетий пограничных стычек. Массивные прямоугольные щиты образовывали стену спереди и сверху. Копья десятисфунтового веса выставлены вперед монолитным лесом. За щитами прятались лучники.

Они ждали. Спокойно, методично. Пока обезумевшая толпа беженцев давила друг друга на камнях, элита занимала позицию идеального арьергарда. Любой легкий скаут, сунувшийся на дамбу, попадет под перекрестный обстрел луков и тяжелых дротиков-сулиц. А если одна из «Весп» попытается обойти их по глубокой воде, гвардейцы просто забросают ее тяжелыми камнями с краев гряды, проломив тонкую крышу кабины.

— Они учатся, — прошептал Лонг, чувствуя, как неприятный холодок пробегает между лопаток. — Быстро учатся. Физика победила их кавалерию утром, но геометрию боя они знают лучше нашего интенданта.

— Что будем делать, декурион? — спросил водитель. — Вызывать поддержку? Одной пушкой мы их не выковыряем оттуда.

Лонг смотрел на заходящее солнце. До темноты оставалось около полутора часов. Ночь на болотах — время абсо-

лютного преимущества местных жителей. Если они останутся здесь после заката, тепловизоры перестанут различать цели в тумане, а экипажи сойдут с ума от комаров и запаха сероводорода.

Но уходить нельзя. Если эта стена из щитов продержится до ночи, она пропустит гражданских вглубь лесов. Утром Верес выведет колонну на открытое пространство и обнаружит, что враг снова растворился. Война затянется на месяцы. Сенат в Риме требует быстрой победы и новых рудников. Время — единственный ресурс, который Империя не может произвести на своих заводах.

— Поддержку вызывать рано, — наконец произнес Лонг. Голос его стал жестким, лишенным всякой веселости. — Если мы выйдем в эфир открытым текстом, они услышат щелчок рации. Эхо разнесится над водой далеко. Они успеют перебить заложников на камнях или сожгут плоты своими зажигательными стрелами. Мы станем причиной резни.

Он отстегнул ремни кресла и встал во весь рост в рубке, ударившись макушкой о низкий потолок. Боль помогла сосредоточиться.

— Мы сделаем то, для чего нас создавали. Пойдем на таран. Дельта-Один принимает командование всей группой. Слушайте диспозицию внимательно, повторять не буду.

Ошибка любого из вас приведет к тому, что ваши семьи получат похоронки с пометкой «пропал в говнах Германики».

Экипажи притихли. Даже контузило-пленник на крыше перестал скулить.

— Смотрите на дамбу, — Лонг ткнул пальцем в карту, расстеленную на коленях. — Она узкая. Ширина — двенадцать шагов. Длина — сто. Уклон в нашу сторону. Это идеальный желоб.

Мы разделяемся.

Я, Вторая и Третья машины идем в лоб. Прямо на центральную «черепашу». Задача — спровоцировать их на массированный залп дротиками и заставить лучников выдать свою позицию плотной стрельбой. Используйте дымовые гранаты из нижних люков, ослепите их. Бейте только по ногам передних рядов, нам нужен хаос, а не горы трупов. Наша броня выдержит пару попаданий сулиц, дерево щитов — тоже. Главное — разогнаться до максимальной скорости на подходе. Гидравлика выдержит удар в строй, мы продавим их массой.

— Декурион, нас превратят в решето! — не выдержал мехвод Первой машины. — У этих парней длинные копья, они насадят нас, как жуков на булавку!

— Насадка произойдет, идиот, — ласково улыбнулся

Лонг. — Но наконечник копья имеет площадь в квадратный дюйм. Площадь нашей лобовой проекции — сорок квадратных футов. Давление равно силе, деленной на площадь. Физика, сынок. Они сломают об нас свои дорогие копья, а мы собьем первые две шеренги, как кегли. Вопрос лишь в том, кто крепче — наша имперская сталь или их варварские шеи. Ставлю жалованье на сталь.

Лицо водителя позеленело, но он кивнул.

— Теперь внимание, левая группа. Дельта-Четыре и Дельта-Пять. Ваш выход, когда начнется свалка. Вы обходите гряды слева, по самому глубокому месту. Там омут, дна нет, но ваша осадка позволяет пройти поверху, если сбросить лишний балласт. Скиньте запасные аккумуляторы в воду прямо сейчас. Оставьте только половину заряда.

Ваше оружие бесполезно против щитов. Ваше оружие — маневренность. Зайдите им в тыл. В «черепахе» всегда есть слепая зона сзади. Бейте навесом из ручных баллист фосфорными гранатами за спины. Не пытайтесь убить гвардейцев, они в броне. Цельтесь в тех, кто держит щиты верхнего ряда. Руки обожжет кислотой, хватка ослабнет, крыша «черепахи» провалится внутрь. Как только верхний ряд откроется — работайте картечью по внутренностям. Поняли?

— Так точно, — раздался синхронный ответ.

— Дельта-Три остается здесь, в низине, — продолжил Лонг. — Прикрываешь наши спины. Охраняешь языка. Если увидишь, что из леса выходят свежие отряды — даешь одну красную ракету и уходишь на полной скорости к основным силам. Не геройствуй, парень, ты у нас последний трезвый механик на всю округу.

Лонг свернул карту, убрал ее в непромокаемый планшет и застегнул ремни шлема. Он опустил заслонку смотровой щели. Мир снаружи сузился до светлого прямоугольника размером с книгу. Внутри кабины запахло озоном и нагретой смазкой.

— Механики, проверить давление в главном ресивере, — распорядился Лонг, кладя руки на штурвал. — Залейте воду в охлаждающую рубашку ствола. Если ствол перегреется, нарезы сорвет, и мы будем плевать дротиками в белый свет.

— Давление номинальное! Вода кипит, клапан сбрасывает пар! — отозвался Слепой.

— Хорошо. Значит, боги гидравлики на нашей стороне. Хотя какие они боги... Так, бесы с гаечными ключами. Всем приготовиться. Малый вперед. Выползайте из камышей медленно, дайте им подумать, что мы сомневаемся. Пусть расслабятся. Надеть респираторы, дым будет едким.

Пять легких скаутов начали движение. Электромоторы

работали почти беззвучно, нарушая тишину болота лишь плеском рассекаемой воды. Они выходили на открытую линию огня. Сто пятьдесят шагов. Дистанция уверенного поражения для тяжелого лука.

На дамбе началось шевеление. Лес копий качнулся. Лучники, прятавшиеся за спинами латников, вышли на фланги, натягивая тетивы из рога тура. Солнце блеснуло на костяных накладках луков.

— Двадцать секунд до контакта, — ровным голосом сообщил Лонг экипажу. — Помолитесь своим домашним ларам, если хотите. Или смажьте суставы, пользы будет больше. Я выбираю смазку.

Он до отказа вдавил педаль главного дросселя. Электрические двигатели взвыли, переходя с гула на пронзительный визг. Турбины форсажа включились с задержкой в долю секунды, подав дополнительную смесь спирта и эфира в камеры сгорания. Нос «Веспы» начал ощутимо приподниматься — реактивная тяга двигателей компенсировала вес машины, превращая ее в глиссер.

Сто шагов. Камни дамбы летели навстречу. Лонг отчетливо видел лицо первого воина в «черепаше». Совсем молодой парень, лет шестнадцати. Губы белые от страха, но челюсть

сжата намертво. Он держал тяжелое копье наперевес, целясь точно в смотровую щель командира.

— Император защищает Республику! — проревел Лонг боевой клич батавских разведчиков, активируя кнопку пуска дымовых гранат.

Пол под ногами вздрогнул. Четыре керамических шара вылетели из боковых портов и упали в воду перед самым носом машины, взрываясь клубами густого, оранжевого, удушливого дыма на основе мышьяка и серы.

Мир исчез в химической буре.

А затем последовал удар. Громкий, сокрушительный хруст дерева, костей и разрываемого металла. Свобода пахла гарью, кровью и победой ценой чужой жизни.

Глава 3. Штурм. Взятие крепости Ветера

Пар пах железом, мокрой шерстью и смертью.

Этот запах вьелся в поры центуриона Тита Корнелия Вереса глубже, чем угольная пыль въедается в легкие тендерщика. Он стоял на широкой стальной платформе правого плеча своего шагохода «Имморталис-Примус», глядя на го-

ризонт сквозь нагретое бронестекло смотровой щели. Семи-метровая махина под его ногами тяжело дышала, выпуская из вентиляционных решеток плечевого пояса густые клубы белого пара. Температура охлаждающей жидкости все еще превышала сто двадцать градусов Цельсия, и восходящие потоки горячего воздуха искажали перспективу, заставляя далекие деревья дрожать, словно в лихорадке.

Впереди, закрывая собой полнеба, возвышалась крепость Ветера.

Это был не варварский частокол, утыканный звериными черепами, к которым привыкла рейнская граница за последние десятилетия. Это была монументальная насмешка над самим Римом. Стены из красного песчаника, скрепленного литым бетоном с вкраплениями местной железной руды, поднимались на высоту десяти человеческих ростов. Углы башен были скошены под невозможным для примитивной архитектуры углом — ровно сорок пять градусов. Варвары захватили эту твердыню почти век назад, во время Великого Смещения легионов, когда сенат отозвал пограничные алы для подавления мятежа в Галлии. Они не просто вырезали гарнизон. Они изучили чертежи имперских фортификаций, поняли их логику и построили свою крепость по римским лекалам, добавив лишь первобытную жестокость форм.

— Двадцать километров до контакта, — прохрипел голос Гая из-за спины.

Центурион не обернулся. Его пальцы в толстых кожаных перчатках медленно вращали латунное кольцо настройки панорамного визира. Оптика щелкнула, приближая изображение. Верес видел каждую деталь: ряды деревянных навесов на гребне стены, где сушилась рыба и шкуры; черные дыры бойниц нижнего боя, прикрытые тяжелыми дубовыми ставнями; цепи, перекинутые через внутренний ров, которые сейчас медленно натягивались лебедками. Гарнизон готовился к встрече. Они видели облако пыли, поднятое колонной тяжелых машин.

— Гай, доклад по ресурсам, — бросил Верес, не отрываясь от окуляра.

— Давление в главном котле номинальное, восемнадцать атмосфер, — механик-принцепс говорил быстро, его голос звенел от накопившейся усталости, но руки уверенно летали над медными вентилями распределительного щита. — Уровень воды две трети стекла. Вязкость гидравлической смеси падает при ста двадцати градусах, манжеты левого бедра начинают дубеть. Если мы ввяжемся в затяжной штурм стен методом эскалады, я гарантирую протечку контура на третьей сотне шагов подъема. Тендер-Кайзер просит снизить нагрузку на топку, Марций едва пришел в сознание после

теплового удара.

Верес поморщился. Тепловой удар рядового обоза обычно означал смерть или списание. То, что Марций выжил и уже пытался ворочать лопату в ненасытном чреве топки, было чудом имперской медицины, замешанной на дешевом вине и нашатыре.

— Скажи Кайзеру, что если он уснет возле питательного насоса, я лично скормлю его антрацит горелкам, — отрезал центурион. — Пусть вспоминает о ресурсе человеческого тела почаще. Манжеты подтянешь на стоянке. Сейчас дай мне мощность.

Гай кивнул, вытирая грязное лицо замасленным рукавом, и вернулся к управлению турбиной. Внутри «Имморталиса» началась своя, тихая война. Стук гаечных ключей, шипение проверочных манометров, монотонный гул форсунок. Это был звук дома. Звук цивилизации, перенесенной через океан варварства на поршнях и заклепках.

Земля вокруг просеки превратилась в серую, растрескавшуюся пустыню. Там, где вчера ударили струи перегретого пара Арминия, мох выгорел до самого базальта, оставив соляные разводы, похожие на язвы проказы. Черные стволы вековых дубов блестели от влаги и копоты. Поляна вчерашнего побоища осталась позади, скрытая клубами сизого

дыма от остывающих котлов колонны. Впереди же начиналась зона абсолютного контроля Ветерского гарнизона. Деревья здесь стояли реже — их вырубili на три полета баллисты вглубь, чтобы лишить атакующих укрытия. Земля была плотно утоптана тысячами ног. На каждом перекрестке лесных троп виднелись свежевypезанные идолы Вотана, обмотанные человеческими волосами.

— Доминус! — раздался резкий металлический лязг переговорной трубы внутренней связи. Голос декуриона Марка Эмилия Лонга звучал чисто, без привычных хрипов тяжелой машины. Разведчик шел впереди на легкой одноместной «Веспе». — Вышел на дистанцию визуального контакта со второй линией обороны. У них есть сюрпризы.

— Категория? — Верес переключил тумблер внешней связи.

— Зенитные сети, — коротко ответил Лонг. — И подвижные платформы. Они сняли колеса с своих серпниц и поставили рамы на широкие деревянные лыжи. Десяток таких штук спрятаны в низине перед северным валом. Ждут, пока мы втянемся в дефиле между холмами.

Верес убрал руку от визира и положил ее на холодный металл дублирующей рукояти главной тяги. Ладонь ощутила привычную шероховатость отполированного дуба. Война

только начиналась. Арминий проиграл открытый бой в лесу, потеряв лучшую кавалерию. Теперь он заперся в своей каменной коробке и собирался играть в математику сопротивления.

— Передай по цепи, — сказал Верес, поворачиваясь к своему шагоходу. Касание холодного металла придало ему уверенности. — Механикам закончить продувку котлов. Залить резервные баки доверху. Всем орудийным расчетам сменить тип боеприпаса на бронебойные болты с термитными наконечниками. Пехоте ауксии — залечь в дренажных канавах по флангам и носа не высовывать, пока мои ноги не перешагнут первый барбакан.

Он толкнул регулятор вперед. Сначала сработали электромагнитные муфты сцепления, передавая момент от турбины к трансмиссии. Затем пришел в движение гигантский шатун. Металл содрогнулся. Ревун на крыше машины издал пронзительный, требовательный гудок, предупреждая пехоту. «Имморталис» шагнул вперед, разрывая когтями своей ступни жирную германскую землю, и двинулся туда, где на горизонте уже вырастала громада Ветерского вала.

Часть I. Геометрия тупика (1200 локтей от ворот)

Колонна остановилась. Не по приказу центуриона, а подчиняясь законам физики. Дорога, ведущая к главным воротам Ветер, сужалась, проходя между двумя отвесными холмами. Идеальное место для засады, идеальное место для расстрела шагающих мишеней сверху вниз.

Тит Корнелий спустился по скоб-трапу на землю. Переход из микроклимата рубки в реальность всегда был болезненным. Резкая смена температуры заставила зубы клацнуть. Холодная грязь моментально пропитала сыромятные ремни его сандалий. После постоянной вибрации палубы земля казалась зыбкой, нереальной, уходящей из-под ног. Мир замедлился. Центурион отстегнул подбородочный ремень тяжелого торакса, снял шлем и провел рукой по коротко стриженным, абсолютно седым волосам. Несмотря на царящий в кабине жар, голова под шлемом была ледяной — результат постоянного сквозняка из смотровых щелей.

К нему подошел Декурион Лонг. Лицо разведчика было красным от встречного ветра, левый верхний резец отсутствовал — память о гражданской смуте десятилетней давности.

— Я загнал «Веспу» на вершину того вяза, — Лонг махнул рукой в сторону искривленного дерева слева от дороги. — Вид открывается чудесный. Прямо под нами, в русле пе-

ресохшего ручья, они вкопали колья длиной в десять локтей. Древесина мореного дуба, железо наконечников отравлено какой-то болотной гнилью. Шагните туда — потеряете гидравлику стопы быстрее, чем успеете сказать «Республика».

— А на склонах?

— Баллистические ложементы. Но это приманка. Настоящие стрелки сидят вон там, в кронах старых сосен. Видите темные пятна на коре? Это следы костылей-кошек. Около сотни лучников. Как только первая машина выйдет на середину прохода, они дадут массовый залп зажигательными по обзорным щелям. Стекло выдержит, но оно покроется слоем копоти. Мы ослепнем. А потом они бросят факелы в масляные лужи, которые уже разлили вдоль колеи. Термиты любят жару.

Верес посмотрел вверх. Склоны холмов действительно щетинились темными силуэтами. Расстояние великовато для прицельного огня пневматики легких скаутов, слишком высоко для навесного залпа баллист «Имморталисов» — угол склонения орудий ограничен конструкцией бедренных шарниров.

— Классика, — вздохнул центурион. — Арминий читает наши трактаты. Он знает, что наша оптика боится копоти, а суставы боятся бокового наклона. Что предлагаешь?

— Обойти. Топь Германика начинается сразу за этим холмом. Мои «Веспы» пройдут по краю сплавины. Потонем па-

ру раз, вымокнем, зато выйдем им в тыл.

— И потеряем темп, — качнул головой Верес. — Пока твои пауки будут танцевать на кочках, солнце сядет. Ночью эта чаща принадлежит им. К тому же, обход займет сутки. Легат требует крепость сегодня. Сенату нужны рудники под фундаментом этой скалы, Марк. Им плевать на нашу красивую тактику, им нужна синяя линия на карте поставок угля.

Лонг сплюнул тягучую слюну на корень вяза.

— Значит, лезем в лоб. Сколько машин готовы пожертвовать ради синего карандаша канцелярии?

— Ни одной, — жестко ответил Верес. — Физика работает в обе стороны. Если гора не идет к Магомету...

Центурион повернулся и сложил ладони рупором:

— Инженерный корпус ко мне! Бегом!

Из-за спин замершей манипулы выбежали саперы. Сорок человек в тяжелых бригадинах из воловьей кожи, усиленных стальными пластинами. Их лица были черны от угольной пыли, глаза воспалены. Вместо мечей и пилумов они несли мотки промасленного каната, бронзовые ломы, корзины с каким-то желтоватым порошком и два массивных металлических контейнера, каждый из которых требовал четверых носильщиков.

На платформу «Имморталиса» опустили сходни. Саперы, пыхтя и сгибаясь под тяжестью, потащили контейнеры вверх, в десантный отсек, расположенный в брюхе машины между суставчатыми лапами.

— Открывайте, — приказал Верес командиру инженеров, молодому опциону с обожженным лицом.

Опцион вставил длинный ключ в замки, выполненные в форме римских орлов. Замки щелкнули. Дверцы контейнера открылись, выпустив облачко морозного пара. Внутри, закрепленные на амортизирующих рамах из каучука, покоились два чудовищных механизма. Пневматические роторные буры. Каждый размером с небольшую осадную катапульту. Матовая сталь корпусов поглощала свет, испещренная глубокими ребрами охлаждения. На широких торцах красовались трафаретные надписи: *«Собственность V Македонского. Опытный образец №4. Ручное управление запрещено»*.

— Глубинное бурение фундамента, — пояснил Верес подошедшему Лонгу. — Традиционный подкоп занял бы неделю. Эти штуковины работают на сжатом воздухе высокого давления. Четыреста атмосфер в ресивере. Режущая головка из карбида вольфрама. Проходит известняк как масло. Нам нужно пройти всего пятнадцать метров твердой поро-

ды прямо под северной привратной башней. Когда вибрация достигнет критической отметки, кладка потеряет сцепление с материковой глиной. Башня уйдет вниз сама. Вместе с воротами.

Лонг присвистнул, заглядывая в темноту контейнера.

— Доминус, если этот ящик рванет рядом с нашим котлом... От леса останется воронка глубиной в стади.

— Не рванет, — заверил подошедший Гай. Он поднялся из технического люка, ведущего в машинное отделение, весь черный, с каплями пота на бровях. — Турбина бура охлаждается жидким азотом. Главная опасность — резонанс. Если камень начнет крошиться неравномерно, возникнет стоячая волна. Она пойдет вверх по штанге привода прямо в подшипники нашего тазобедренного сустава. Нас просто переломит пополам над собственным тоннелем.

— Рассчитаешь частоту? — спросил Верес.

— Уже считаю, — Гай постучал грязным пальцем по стеклу карманных часов-компас. — Нужно держать обороты в пределах тысячи двухсот пятидесяти в минуту. Плюс-минус три оборота. Иначе молитесь Вулкану.

Верес надел шлем, защелкнул фиксаторы. Маска с узкими прорезями глазниц превратила его из усталого старика в безликого вестника смерти.

— Инженеры, слушать внимательно, — его голос прогре-

мел из внешних динамиков шагохода, отразившись от скалах. — Ваша жизнь измеряется унциями давления в шлангах. Бур уходит вертикально вниз из десантного трюма. Наводчики обеспечивают периметр. Никто из вас не должен смотреть на режущую головку дольше секунды — вспышка фосфора сожжет сетчатку. Работаем тройками. Первая смена начинает проход, вторая меняет через тридцать минут. Третья спит вполглаза у насосов. Время пошло.

****Часть II. Симфония разрушения (Подземелье)****

Десантный отсек «Имморталиса» напоминал внутренности исполинского кита. Низкий потолок, покрытый каплями конденсата, тусклый багровый свет аварийных ламп, оглушительный рев топки этажом выше. Воздух здесь можно было резать ножом и продавать вместо дегтя.

Бур установили на поворотную станину. Массивный ствол орудия смотрел прямо в открытый лацпорт в днище машины. Под машиной зияла тьма.

— Контакт грунта, — доложил старший инженер-сержант, прижимая наушник-затычку к уху. Тонкий трос-зонд с датчиками вибрации ушел в сырую землю.

— Азот в контур, — скомандовал Гай, сидевший теперь на месте второго пилота внизу, непосредственно у панели управления инженерным модулем. — Держим минус восемьдесят. Головка должна быть хрупкой для камня, но эластичной для глины.

Шланги толщиной с человеческую ногу змеями расползлись от бортовых ресиверов «Имморталиса» к разъемам бура. Медные фитинги зашипели, выравнивая давление.

— Малый ход. Обороты шестьсот.

Турбина внутри бура взвыло на низкой, пробирающей до костей ноте. Из выхлопных патрубков ударили струи белесого, ледяного газа. Земля под днищем машины начала мелко дрожать.

— Погружение. Один оборот в десять секунд.

Режущая коронка коснулась дерна. Послышался звук, похожий на то, как великан грызет гранитный сухарь. Визг становился выше с каждым сантиметром погружения. Каменная крошка, перемолотая в пыль, вместе с паром вылетала обратно через технологические зазоры, мгновенно покрывая броню машины и сапоги инженеров толстым слоем белой грязи.

Первые три метра прошли относительно легко — рыхлая

почва и корни старого орешника. На глубине пяти метров начался известняк.

Звук изменился. Низкое гудение сменилось пронзительным, сверлящим мозг визгом. Пол десантного отсека завибрировал так сильно, что фляга с водой, забытая кем-то на инструментальном ящике, медленно поползла к краю и упала на рифленый металл. Вода не разлетелась брызгами — она подпрыгнула упругим желеобразным комом и скатилась в сливной трап.

— Девятьсот атмосфер на выходе, — крикнул Гай, перекрывая шум. — Температурный датчик головки ползет в красный сектор! Сто пятьдесят градусов!

— Лей воду из бака охлаждения прямо на кожух! — приказал сержант-инженер. Двое бойцов схватили тяжелые ведра и начали плескать мутную техническую воду на раскаляющийся цилиндр бура. Вода мгновенно превращалась в пар, скрывая людей в белом тумане.

— Сто семьдесят оборотов! — взревел Гай, глядя на пляшущую стрелку тахометра. — Держите ритм! Если перескочим за тысячу триста, подшипники рассыплются, и эта стрела прошьет нас насквозь до самой топки!

Время исчезло. Остался только визг стали о камень, ритмичный хлоп насосов и кислый вкус озона во рту. Инженеры работали обнаженными по пояс, несмотря на холод, идущий

щий от азотных контуров. Их кожа блестела от смеси пота и каменной пыли. Каждые двадцать минут менялся расчет. Люди падали прямо на решетчатый пол, глотая воздух, как выброшенные на берег рыбы, и засыпали, прежде чем их головы касались металла. Их места занимали следующие, чьи глаза уже покраснели от микроожогов сетчатки.

На исходе третьего часа работы дрогнула вся семидесяти-тонная машина «Имморталиса».

— Стоп-машина! — заорал Гай, хватаясь за рычаг экстренного торможения. — Обратная отдача! Мы задели полость!

Визг оборвался резко, перейдя в мучительный скрежет. Пол десантного отсека накренился на три градуса. Вода из ведер, стоявших у переборки, медленно потекла к левому борту.

— Провал, — севшим голосом произнес старший сержант. Он поднял с пола кусок отколовшейся породы. Камень был пористым, пронизанным черными прожилками. — Древняя водоводная штольня. Или природная каверна. Мы висим над пустотой.

Гай метнулся к перископу заднего вида, выведенному в трюм. Картинка прыгала.

— Высота полости около восьми метров. Дно затоплено.

Если мы провалимся дальше, вода зальет наши собственные сервоприводы, а вес машины обрушит своды. Мы похороним сами себя заживо.

— Варианты? — спокойно спросил Верес, входя в трюм. Броня центуриона была покрыта белой пылью, делая его похожим на статую из Каррарского мрамора.

— Только один, доминус, — Гай вытер лоб, оставляя на лице чистый след. — Закладываем взрывной пакер. Затапливаем нижний сегмент ствола смесью гипса и дробленого гранита. Создаем искусственный монолит. Потом переносим точку бурения на два метра западнее. Обойдем пещеру по касательной. Потеря времени — четыре часа. Расход азота — критический.

— Делай, — кивнул Верес. — Лонг, ответь Примусу.

— На связи, — тут же прохрипел рация голосом декуриона. — Сижу в камышах. Объект нервничает. Прикажете начинать танец?

— Отставить танцы. Сидите тихо. У нас геологическая неожиданность. Еще четыре часа мы неподвижны. Если заметишь выдвижение крупных сил врага к нашему хвосту — даешь одну зеленую ракету. Две ракеты — прорывайтесь с боем, вызывайте огонь колесничных баллист на мою позицию. Мне нужен этот фундамент.

— Принято. Сохраняю тишину. Конец связи.

Следующие четыре часа стали испытанием на прочность рассудка. Заполнение шахты раствором — процесс долгий. Гипс мешали вручную, лопатами, в огромных деревянных бадьях. Жар от топки делал воздух невыносимым. Один из молодых саперов упал в обморок, поскользнувшись на мокром металле, и сломал ключицу о край станины. Ему вкололи маковый отвар прямо через одежду и оставили лежать у борта. Медицина империи умела справляться с болью, превратив человека в покорный механизм.

Когда раствор схватился, превратившись в пористый, но невероятно прочный камень, Гай снова дал малый ход. Бур вошел в стену чуть левее первого отверстия. Визг возобновился, но теперь он звучал иначе — суше, увереннее.

Пятнадцать метров твердой породы. Три сантиметра в секунду.

Математика победила природу.

****Часть III. Белая мгла (Поверхность)****

Пока внизу, в утробе земли, рождался новый мир, на поверхности шла другая война — война ожиданий.

Солнце прошло зенит и начало клониться к западу, окрашивая небо над крепостью в цвет запекшейся крови. Пехота пятого Ульпиева лежала в дренажных канавах уже шестой час. Комары размером с грецкий орех пировали на их лицах. Дисциплина ауксии держалась на страхе перед центурионами и обещании двойной порции вина после дела.

Армению надоело ждать.

Сначала со стен полетели обычные камни. Огромные, весом в талант, куски скалы, сбрасываемые на веревках. Они падали вокруг «Имморталиса», глубоко уходя в мягкий грунт, но броню машины даже не поцарапали. Для защиты от такого штурма гидравлика шагохода имела режим активной компенсации — датчики фиксировали падение массы сверху, и гироскопы перераспределяли вес, удерживая равновесие.

Затем ветер принес запах паленой шерсти.

Лучники на склонах сделали свое дело. Огненные стрелы упали в те самые масляные лужи, о которых предупреждал Лонг. По обе стороны от дороги вспыхнула полоса жидкого пламени высотой в человеческий рост. Черный, густой дым пополз вверх, полностью скрывая подножия холмов.

— Начинается, — процедил Верес, наблюдая за оптическим фильтром. Инфракрасный спектр показывал тепловые сигнатуры защитников. Они перемещались по стене хаотично, собираясь группами у лестниц. Готовились к вылазке, думая, что пожар ослепил экипаж.

— Гай, готовность систем.

— Котел давит двадцать одну атмосферу. Перебор, но клапан держит. Гидравлика левой ноги стабилизирована клиньями, правую могу поднимать на сорок градусов. Больше нельзя — соскочит компенсатор.

— Продуть внешние магистрали, — приказал Верес. — Малый сброс давления через клапаны голеностопа. Направленный выброс.

Где-то внизу, под панцирем живота машины, с металлическим лязгом провернулись массивные заслонки. Из тонких сопел, расположенных по периметру стоп, вырвались струи плотного, перегретого пара. Температура выброса достигала трехсот градусов. Пар не рассеивался в воздухе — под давлением он бил плотной, видимой стеной. Белый саван накрыл зону пожара.

Огонь умер мгновенно. Лишенный кислорода, он задохнулся. Раскаленный песок зашипел, превращаясь в мутное стекло. Клубы пара смешались с черным дымом, создав непроницаемую стену тумана шириной в двести локтей.

— Светошум, — скомандовал Верес.

Баллиста на правом плече шагохода изменила наклон. Внутри казенника защелкали механизмы автоматической подачи. Орудие плюнуло одним снарядом — полым чугуном стаканом, начиненным не фосфором, а магниевой пудрой и селитрой.

Снаряд врезался точно в основание деревянной галереи над воротами.

Взрыва не было. Была вспышка. Солнце родилось посреди дня прямо на крепостной стене. Миллиарды частиц горящего магния выжгли сетчатку всем, кто смотрел в ту сторону. Дикий, нечеловеческий вой сотен голосов прокатился над полем. Воины слепо сталкивались друг с другом, катились по лестницам вниз, разбивая головы о камни собственного укрепления.

— Наш выход, — Верес включил внешнюю связь на полную мощность. Голос центуриона, многократно усиленный медью рупора, разнесся над полем, перекрывая вопли боли. — Механики! Помните инструктаж генерала Сертория! Не целиться в людишек! Ваша цель — физика!

Он перевел взгляд на приборную панель. Датчики подземной вибрации внезапно сошли с ума.

— Гай?

— Есть контакт! — радостно и страшно закричал меха-

ник. — Коронка вышла точно под южный контрфорс башни! Частота резонанса идеальная! Добавляю амплитуду колебаний! Сто сорок герц! Песчинки, доминус! Мы превращаем их фундамент в сухую муку!

Верес почувствовал, как многотонная машина слегка покачнулась. Это не был маневр. Это дрожала сама земля.

Северная башня Ветер — циклопическое сооружение — начала издавать низкий, утробный гул. Звук нарастал, переходя из инфразвука в слышимый диапазон. По красным стенам побежала сетка трещин. Сначала тонкие, как волосы, они стремительно расширялись. Песчаник начал крошиться, осыпаясь вниз рыжеватой лавиной.

Гарнизон понял, что происходит. Со стен слышались команды на гортанном германском наречии. Лучники прекратили бессмысленную стрельбу вслепую и начали отступать от края, пытаясь отбежать от зоны обрушения. Те, кто находился на плоской вершине башни, в панике бросились к внутренним лестницам, ведущим внутрь крепости.

— Давление на максимум, — выдохнул Гай. Капельки его пота оставляли дорожки на черной стали панелей. — Прожигаем замок основания!

Бур внизу совершил финальный, самый глубокий проход.

Стена титанового сплава прошла остатки бутовой кладки и вошла в материковую глину.

А затем наступила секунда абсолютной, звенящей тишины. Даже раненые на поле перестали стонать. Сама природа затаила дыхание.

Фундамент перестал существовать как единое целое. Тысячи тонн камня потеряли последнюю точку опоры.

Раздался звук, который невозможно описать человеческим языком. Это был не треск. Это был хлопок лопнувшей вселенной. Северная башня Ветер величественно, словно в замедленном сне, начала крениться вперед и вниз. Она не рухнула плашмя. Она провалилась в преисподнюю целиком, увлекаемая собственной массой и вакуумом, образовавшимся в искусственной каверне.

Вместе с ней ушли ворота.

Створки из мореного дуба, обитые листами бронзы толщиной в палец, толщиной в три ладони общей массой, просто исчезли. Земля разверзлась огромным прямоугольным провалом прямо перед центральным барбаканом. Вверх ударил фонтан мелкого песка, камней и ошметков тел тех немногих стражников, которые не успели отскочить от опускающейся плиты портала.

Облако пыли поднялось на высоту пятидесяти локтей, окончательно поглотив солнечный свет. Наступили сумерки.

— Малый вперед, — бесстрастно произнес Верес в трубу.
— Ритм ходьбы прежний. Не остужайте котлы, парни. Мы пришли домой.

****Часть IV. Анатомия пролома (Проход)****

«Имморталис» шагнул в бездну.

Семьдесят тонн легированной стали вошли в оседающее облако пыли. Гусеницы вспомогательных вездеходов сопровождения буксовали в мягкой земле по краям провала, но тяжелый шагоход стоял незыблемо. Гидравлика его ног работала как демпферы землетрясения, компенсируя каждое оседание почвы.

Верес смотрел вниз, в дыру, бывшую некогда главными воротами. Оттуда тянуло холодом могилы, запахом сырого камня и сладковатой вонью выпущенных кишок. Бездна уходила в темноту на неизвестную глубину. Где-то там, в темноте, раздавался непрерывный хруст — это продолжали ломаться внутренние перекрытия захваченной башни.

— Лонг, статус, — бросил Верес в рацию.

— Жив, — весело отозвался декурион. Судя по звукам на фоне, он активно работал мачете. — Ворота открыты настежь, доминус. Правда, пейзаж немного портит тот факт, что половина входа забита трупами ваших строителей. Похоже, когда башня пошла вниз, обрезало подъемные канаты вашей же лебедки. Инженеров впечатало в свод тоннеля. Очень экономное использование живой силы.

— Собери жетоны, отправишь с квартирой, — равнодушно ответил Верес. — Вход свободен?

— Свободен настолько, насколько может быть свободен желудок дракона. Зачищаю последних арбалетчиков из боковых ниш. Они думали, что мы полезем пешком. Смешные дикари.

За спиной центуриона, в десантном отсеке, работа продолжалась. Бур извлекали из шахты. Процесс занимал драгоценные минуты, каждая из которых давала защитникам внутренних укреплений шанс организовать новую линию обороны.

Инженеры действовали как единый организм. Система блоков, смазанных бараньим жиром, скрипела. Массивный ствол бура медленно выползал из недр, покрытый слоем застывшего гипса, крови и каменной крошки. Резцы головки были малинового цвета — металл светился от остаточного тепла.

— Заслонки лацпорта закрыть! — скомандовал Гай. — Активировать систему герметизации трюма! У нас течь масла из разбитого уплотнения, не хочу, чтобы искра от падения камня подожгла пары.

Как только последний дюйм стали скрылся внутри корпуса, тяжелые бронеплиты днища с лязгом сомкнулись. Звук внешнего мира отрезало напрочь. Остался только родной, успокаивающий шум огромного механизма: гул форсунки, бульканье воды в трубах, тихое поскрипывание гироскопической стабилизации.

— Дай мне управление, — велел Верес, опускаясь в жесткое кресло оператора. Кожаные ремни сиденья скрипнули.

Он взялся за дублирующие рукояти главной тяги. Ладони ощутили привычную шероховатость. Центурион толкнул регулятор вперед.

Сначала сработали электромагнитные муфты сцепления. Затем пришел в движение гигантский шатун. Металл содрогнулся.

«Имморталис» шагнул вперед, переступая через край провала. Ступня размером с небольшую лодку погрузилась в обломки ворот. Раздался оглушительный скрежет — сталь давила бронзу и человечесьи кости с одинаковым равнодуши-

ем. Машина выровнялась и сделала следующий шаг, оказываясь внутри крепости.

Первое, что увидел Верес через сетку координатных лимбов панорамного визира — геометрию катастрофы. Внутренний двор барбакана превратился в братскую могилу. Перекрытия второго этажа рухнули, похоронив под собой целую центурию городской стражи. Горящие балки дымились среди завалов, освещая сцену бледным, трепещущим светом.

Но выжившие были.

Прямо напротив пролома, перегородив улицу, ведущую к цитадели, выстраивалась стена щитов. Священная гвардия Сегеста. Те самые аристократы, которые днем пытались зайти колонне во фланг на своих колесницах. Здесь было не больше сотни воинов, но это была элита. Ростом под два метра, в полном чешуйчатом доспехе, вооруженные тяжелыми пехотными гладиусами и огромными шестиугольными щитами.

Они не кричали боевых кличей. Молча, методично, они смыкали строй. Позади них толпились остатки гарнизона — ремесленники, рыбаки, подростки с кухонными ножами. Женщины выносили со дворов кипящее масло.

— Угол возвышения тридцать, — скомандовал Верес. — Картечь.

Носовые установки «Имморталиса» изменили наклон. Казенники щелкнули, принимая снаряды.

— Целюсь в центр тяжести, — добавил Гай, считывая показания дальномера. — Пробиваем брешь, не тратим заряды на периферию.

— Огонь по готовности! — скомандовал Верес, задвигая заслонку личного окна. Смотреть снаружи больше не имело смысла, а риск поймать случайную сулицу в глазницу был неоправдан.

«Имморталис» содрогнулся всем своим многотонным телом. Это выдвинулись тяжелые прямоугольные плиты боковых щитов. Толщиной в три пальца лучшей легированной стали, они закрыли кабину и ходовую часть, оставляя открытыми лишь суставчатые механические ноги ниже колен.

Грохот ударил по ушам даже сквозь изоляцию кабины. Стволы выбросили облака сизого дыма. Разрывные чугунные шарики калибра двадцать миллиметров накрыли элитный отряд сплошным ковром. Для человека пятьдесят шагов — расстояние хорошего броска пилума. Звук разрыва свинца достиг позиции легионера раньше, чем сами снаряды. Это был звук мокрого холста, который рвут руками сотни людей

одновременно.

Передняя линия гвардии перестала существовать. Картечь проходила сквозь чешую доспехов, собирая внутри влажный урожай из кишок и раздробленных позвонков. Одному из вождей, бородатому гиганту в золоченом шлеме, снаряд начисто снес нижнюю челюсть. Он остался стоять, глядя на свои руки, прежде чем следующий залп снес ему верхнюю половину черепа.

Оставшиеся дрогнули. Инстинкт самосохранения победил племенную гордость. Они развернулись и бросились бежать обратно к цитадели, надеясь укрыться за вторыми воротами.

— Заряжай бронебойные! — ревел Верес, видя, как одиночки, обезумевшие от ужаса, пытаются метать короткие копья в бронированное брюхо машины. Наконечники бессильно высекали искры из хромоникелевой стали.

Теперь началась работа малого калибра. Германцы оказались в мертвом пространстве — слишком близко для башенных орудий, которым мешали собственные корпуса машин. В смотровых щелях замелькали синие, белые и багровые краски лиц. Воины прыгали на подножки шагохода, пытаясь достать ножами уязвимые сочленения гидрошлангов.

Механик-принцепс этого борта, здоровяк Брут, которого Верес вытащил из самых низов рабских каменоломен, не глядя протянул руку к пожарному топору, закрепленному на переборке. Резкий, экономный удар обитой железом дубиной по пальцам. Хруст кости, заглушенный лязгом металла. Молодой воин с татуировкой змеи на лбу полетел вниз прямо под опускающуюся стопу другой машины. Раздался мерзкий чавкающий звук.

Верес чувствовал легкий толчок. Что-то тяжелое ударило в правый борт кабины. Центурион повернул кресло. Прямо перед его обзорной щелью возникло лицо. Обожженное паром, покрытое коркой засохшей крови и грязи. Это был сам командир гарнизона — старый херсуск с выжженным на лбу клеймом рода. Одной рукой он цеплялся за край смотровой щели, второй заносил бронзовый фалькатус — тяжелый кривой меч.

Лезвие с протяжным скрипом прочертило глубокую борозду по внешней стороне бронестекла. Искры брызнули внутрь кабины. По отсеку распространился запах жженой пыли и плавящейся бронзы.

Старик зарычал, вкладывая весь вес в обратный удар, целясь прямо в уплотнитель стекла. Если он прорежет резину хотя бы на палец, кипятик из разбитых шлангов охлаждения

сварит центуриона заживо.

Верес действовал инстинктивно. Он отпустил главную тягу и схватился за рычаг аварийного продувочного клапана котла. Маленькая латунная рукоять, которую запрещено трогать на ходу под угрозой трибунала — мгновенный сброс всего давления в атмосферу ради спасения агрегата.

Центурион рванул рычаг на себя.

Раздался оглушительный, космический рев. Всю правую сторону «Имморталиса» окутало густым облаком белого, обжигающего пара. Температура выхлопа превышала четыреста градусов. Пар выходил прямо из вентиляционной решетки, проходящей в сантиметрах от лица вождя.

Крик командира гарнизона оборвался бульканьем. Ревущая белая пелена скрыла его лицо. Запах паленых волос и моментально закипающей влаги заполнил пространство перед рубкой. Когда порыв ветра отнес пар в сторону, вождя уже не было. Лишь темное мокрое пятно на грязной броне да оплавленный кусок бронзы, намертво вплавившийся в раму окна. Меч упал в грязь, продолжая медленно погружаться в торф под собственным весом.

Глава 4. Романтическое приключение

****Часть I. Пепел и трофеи (Завязка)****

Солнце Тевтобургского леса умирало медленно, окрашивая горизонт в цвет запекшейся крови и расплавленной бронзы. День, начавшийся с оглушительного рева паровых турбин и запаха озона, заканчивался тишиной, которая казалась более тяжелой, чем любая механическая симфония разрушения.

Император Александр стоял на вершине поверженной Северной башни Ветер — циклопического сооружения из красного песчаника и римского бетона, которое варвары строили почти столетие, пытаясь скопировать величие Вечного Города, но добавив к нему первобытную жестокость форм. Теперь башня лежала в руинах у его ног. Фундамент не выдержал направленной вибрации глубинных буров «Имморталиса», и тысячетонная махина просто ушла под землю, увлекая за собой ворота, стражу и часть внешней стены.

Александр снял тяжелый парадный шлем. Черные волосы императора были влажными от пота, пряди прилипли ко лбу, но взгляд оставался ясным и холодным, как сталь дамасскойковки. Ему было тридцать два года, но морщины в уголках глаз выдавали человека, который провел половину жизни в тесной рубке шагающей машины или седле боевого коня. Он вытер лицо тыльной стороной ладони, оставив на коже ши-

рокую полосу серой копоты. От него пахло гарью, машинным маслом сорта «Аквила-Прима» и сладковатым, тошнотворным запахом горелой человеческой плоти.

Внизу, во внутреннем дворе захваченной крепости, кипела работа. Легионеры пятого Ульпиева легиона деловито добивали раненых германцев коротким ударом кинжала в горло — милосердие на поле боя стоило времени, а время сейчас принадлежало Риму. Квартирьеры цепями вытаскивали из-под завалов трупы аристократов херусков, срезая с них золотые гривны и кольчуги тонкой работы. Экономика войны требовала металла. Империя начиналась с экономии ресурсов.

К императору подошел примипилий преторианской гвардии Гай Валерий Корв. Его левое ухо было наполовину оторвано давней аварией на гидравлическом прессе в молодости, что придавало лицу начальника разведки вечно хищное выражение. За спиной гвардейца двое солдат элитной *Cohors Praetoria* конвоировали группу пленников. Среди грязных, оборванных женщин, которых согнали в крепость со всей округи для утех Сегеста, выделялась одна фигура.

Девушка стояла прямо, хотя ее запястья были стянуты сыromятным ремнем. На ней было разорванное льняное платье темно-синего цвета — слишком качественное для дикарки,

— под которым виднелись остатки шелковой туники. Золотая цепь на шее с подвеской в виде атакующего сокола тускло поблескивала в сумерках. Это был родовой знак Валериев — одной из древнейших патрицианских фамилий Рима, чьи корни уходили еще во времена Республики.

— Командир гарнизона уже готовил ауксии для распределения добычи, Доминус, — доложил Корв, кивнув на девушку. — Но я решил, что этот экземпляр требует вашего личного внимания. Она называет себя Октавией. Говорит только на классической латыни. Ни слова по-германски, кроме ругательств, которые она посылала своим охранникам. Судя по бледности и синякам на плечах, Арминий держал ее здесь год. Как чашу для вина. Как подстилку, когда ему надоедали местные девки.

Александр перевел взгляд на пленницу. Варварская грязь не могла скрыть породу: высокие скулы, прямой нос, линия подбородка, выдающая несгибаемую волю. Большинство женщин после такой резни забились бы в истерику или стояли бы с пустыми глазами, принимая свою участь. В глазах этой девушки плескался жидкий огонь. Ненависть. Холодная, расчетливая ненависть того, кто привык отдавать приказы и вдруг оказался лишен права даже на собственную смерть.

Когда один из преторианцев грубо толкнул ее древком пилума в спину, чтобы заставить идти быстрее, Октавия споткнулась, но удержала равновесие. И именно в эту долю секунды император увидел то, чего не должен видеть завоеватель — абсолютную, звенящую беззащитность. Миг, когда маска высокомерия дала трещину, обнажив живую, истекающую кровью душу.

— Отставить тычки, — голос Александра прозвучал негромко, но мгновенно разнесся над притихшим двором. Эхо отразилось от обугленных стен. Солдаты замерли, опустив оружие. — Цезарь отдал приказ о сдаче оружия, а не о праве бить связанных людей.

Александр шагнул вперед. Его тяжелые военные калиги (*caligae*) оставляли четкие следы в слое серой пыли, покрывшей двор. Он остановился перед девушкой, возвышаясь над ней подобно своему семиметровому шагоходу. Император протянул руку и взял Октавию за подбородок, заставляя поднять голову. Его пальцы, привычные к рукояти главного регулятора давления котла, оказались неожиданно теплыми и осторожными. Он повернул ее лицо к свету угасающего дня, изучая черты так, словно оценивал редкую статую.

— Умойте ее водой из моих личных запасов, — приказал он, не убирая руки. — Переоденьте в чистый пеплос из моего

багажа. Найдите мазь от ожогов. Через час приведите в мою штабную палатку. Одну. Если хоть один волос упадет с ее головы... если какой-нибудь маркитант посмотрит на нее с похотью... Я лично скормлю этого идиота тиграм из зверинца Коммода. Выполняйте.

Преторианцы вытянулись по струнке. Корв удивленно приподнял бровь, скрывающую старый шрам, но лишь молча ударил кулаком по нагруднику в салюте. Пленницу увели.

Александр остался стоять посреди двора, глядя вслед удаляющейся фигуре. Впервые за долгое время войн в Германии тяжесть императорской власти показалась ему неподъемной. Сенат ждал триумфа. Курия ждала новых рудников. А он смотрел на хрупкую спину девушки, закутанной в грубое одеяло солдата, и чувствовал, как внутри шестеренки имперского механизма проскальзывает какая-то посторонняя, опасная эмоция.

Штабная палатка была установлена на самой высокой точке внутреннего двора, между опрокинутой колесницей класса «Серпница» и телом мертвого знаменосца с волчьим черепом на груди. Внутри горели ароматические лампы из Сирии, разгоняя мрак, запах гари и роящихся комаров разме-

ром с грецкий орех. Пол устилали толстые персидские ковры, приглушавшие шаги.

Александр сидел за походным столом из полированного дуба, изучая карту подземных вод под крепостью. Латынь пергамента хрустела под его пальцами. Императорские латы — шедевр оружейного искусства стоимостью в годовой бюджет небольшой провинции — были свалены в углу шатра. Сейчас на нем была простая белая туника, пропитанная потом, и тяжелая сегментированная лорика на плечах. Руки императора покоились на столе. Мозоли от рычагов управления «Имморталисом» шершаво царапали дорогую древесину.

Снова шум раздвигаемого полога. Октавия вошла без сопровождения. Теперь она была умыта. Теплая вода смыла слой болотной грязи и засохшей крови, вернув коже естественный фарфоровый оттенок. Синяки на тонких запястьях смазаны густой мазью из личной аптечки императора, источающей запах лаванды и меда. Ее плечи укрывал тонкий белый пеплос, перехваченный на талии простой витой лентой. После тяжелых мехов и кожаных панцирей варваров эта ткань казалась почти невесомой, но девушка куталась в нее, словно замерзла.

Она остановилась в трех шагах от стола. Спину Октавия

держала ровно, но костяшки пальцев, сжимавших складки ткани, побелели от напряжения.

— Садись, — Александр указал на низкий табурет напротив. Сам он поднялся и налил в серебряный кубок неразбавленного фалернского вина десятилетней выдержки. Поставил кубок перед ней. — Пей. Ты дрожишь.

Октавия села. Движение было грациозным, несмотря на усталость. Она проигнорировала вино, вперив в императора прямой, немигающий взгляд.

— Ты знаешь латынь слишком хорошо для заложницы лесного племени, — начал Александр, возвращаясь на свое место. Стилос в его пальцах крутился с механической точностью. — Твой акцент выдает обучение в Риме. Палатин? Или риторская школа в Остии?

— Мой отец был проконсулом Нижней Мезии, — голос Октавии звучал ровно, но в нем слышался звон натянутой до предела струны. — Марк Валерий Аквила. Арминий вырезал нашу семью пять лет назад во время посольской миссии. Меня оставили в живых только потому, что мой дед контролировал серебряные копи в горах Тавра. Они думали торговаться моими костями на совете племен. Год назад ваш хваленый сенат заключил перемирие. Армению нужны были пауза и уголь для его ржавых телег. Взамен на ваши дешевые

подачки он отдал меня Сегесту. Как чашу для вина. Как подстилку, чтобы тот мог похвастаться перед своими псами покорностью рода Валериев.

Она говорила об этом буднично, словно читала сухой отчет квестора о поставках зерна. Римская империя годами ломала психику своих граждан, превращая личные трагедии в статистику потерь, необходимую для функционирования государственного аппарата. Но сейчас, произнесенная этим чистым голосом в душной палатке, статистика звучала как приговор всему миру.

Александр отложил стилос. Звук дерева, коснувшегося дерева, показался выстрелом. Он откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди. Свет лампы упал на его лицо, подчеркивая тени под глазами.

— Сегодня твоя ценность изменилась, Октавия Валерия, — произнес император. — Сенату нужен триумф. Им нужен живой пример того, что Новая Империя умеет не только сжигать леса перегретым паром машин моего отца, Вереса, но и проявлять милосердие победителя. Завтра тебя проведут в моей процессии по Священной дороге. Триумф зависит от твоих слез на ступенях Капитолия. Ты станешь символом победы Рима над дикостью. Символом возвращения законности.

— Значит, завтра я умру, — спокойно констатировала Октавия. Она не пошевелилась, лишь чуть сильнее сжала складки пеплоса. — Или брошусь на гладиус охраны по дороге к Форуму. Жить куклой в вашем золотом зоопарке я не буду. Вы забрали мой дом, уничтожили мою семью вашей политикой выжженной земли. Теперь вы хотите забрать мою последнюю собственность — мою смерть?

Она встала одним плавным движением. Одевание опасно скользнуло вниз, обнажая левое плечо, покрытое старым, пожелтевшим синяком в форме отпечатка крупной мужской пятерни. Октавия сделала шаг к столу. В ее руке тускло блеснула бронза — короткий скифский кинжал одного из убитых стражников. Видимо, обыск проводили второпях, считая сломленную аристократку безопасным мусором.

— Я перережу себе горло прямо здесь, Цезарь, — шепот Октавии стал глубже, вибрируя от сдерживаемой ярости. Кинжал поднялся. Острие тускло блестело в свете ламп. — Прямо на ваших картах. Пусть Юпитер Оптимус Максимус видит, что кровь Валериев все еще способна течь красным, а не разбавленным вином ваших празднеств.

Александр не двигался с места. Он видел, как мелко дрожит лезвие в ее изящных пальцах. Это не было театральным жестом отчаявшейся девчонки. Это было холодное, матема-

тически выверенное решение человека, дошедшего до края пропасти и решившего прыгнуть самостоятельно, пока палач не столкнул его насильно.

Император медленно поднял руки, показывая открытые ладони — жест мира, которому тысячи лет. Он мягко, но уверенно нажал ладонью сверху на клинок, отводя его от шеи девушки. Бронза скользнула по мозолистой коже его пальцев, оставляя тонкую, едва заметную царапину. Кровь выступила крошечными каплями, похожими на росу.

— Положи железо, — тихо, но властно приказал Александр. Голос принцепса, способный перекрывать рев сотен глоток на Марсовом поле, теперь звучал почти интимно. — Кровь Валериев нужна мне живой. Не для украшения триумфальной арки. Для переговоров. Мне нужно знать внутреннюю иерархию херусков. Кто остался фанатично верен Арминию, а кто готов продать его кости за право монопольной поставки антрацита новым имперским кузням Рейна. Ты будешь моим голосом. Моим гарантом перед теми родами, которые ненавидят нас меньше остальных. Без твоей подписи они не откроют шлюзы поставок.

Октавия замирает. Планшет с картами лежит между ними, исписанный шифрами интендантов. Ее рука все еще сжимает рукоять кинжала, острие которого теперь упирается

в ладонь самого могущественного человека в мире. Их лица разделяет всего несколько дюймов пространства, наполненного запахом лаванды, озона и смерти.

В свете масляной лампы Александр замечает тонкий белесый шрам над ее верхней губой — след детской болезни или старой драки в садах отцовской виллы. Запах ее волос — дым сгоревшего дуба, дикая ромашка и животный страх — перебивает густые ароматы восточных благовоний, которыми евнухи пытались замаскировать смрад битвы.

— Почему? — спрашивает она внезапно севшим, ломким голосом. Маска ненависти дала трещину, выпуская наружу растерянность. — Зачем тебе это? Сенат получит свои камни и лавры и так. Моя смерть ничего не изменит в балансе сил.

— Потому что война заканчивается там, где начинается политика, — отвечает Александр стандартной фразой из учебников стратегии. А затем, нарушая протокол безопасности, дистанцию правителя и подданной, собственные принципы абсолютного монарха, выкованные годами интриг, добавляет тише, почти касаясь дыханием ее щеки: — И потому что смотреть, как женщину такого происхождения, такую гордую и несломленную, отдают на потеху бородатым лесным животным... противно моему воспитанию. Мы оба — обломки старого мира, Октавия. Мира, который растоптали паровые турбины моего отца. Давай попробуем построить из

этого пепла хоть что-то человеческое.

Он осторожно, палец за пальцем, разжимает ее кисть, перехватывая холодный металл кинжала. Бросает оружие в дальний угол палатки. Оно глухо лязгает о свернутый канат. Затем Александр берет со своего пальца тяжелое золотое кольцо-печатку с профилем божественного Августа и закалывает им край соскользнувшего с плеча пеплоса, надежно фиксируя ткань. Золото теплое от его кожи, но прикосновение холодного металла к открытой коже девушки обжигает обоих, словно разряд статики.

****Часть II. Анатомия падения (Развитие действия)****

В палатке повисла тишина, густая и осязаемая. Она нарушалась лишь треском фитиля лампы, далекими командами легионеров снаружи, разбирающих завалы барбакана, и тяжелым, неровным дыханием двух людей. Граница между Победителем Мира и побежденной стерлась окончательно, превратившись в тонкую линию брошенной на пол брони.

Перед императором больше не было заложницы. Перед ним не было военного трофея или политического инструмента. Перед ним стояла женщина, чудом выжившая в мясорубке столкновения двух цивилизаций, и мужчина, давно забывший, каково это — быть просто человеком.

Октавия тяжело дышала. Адреналин отходящей угрозы оставлял после себя звенящую пустоту и мелкую дрожь в коленях. Чтобы не упасть, она инстинктивно подается вперед, опираясь ладонями о край дубового стола. Столешница оказывается точно на уровне ее бедер. Она оказывается вплотную к Александру. Сидя в массивном кресле, он вынужден смотреть на нее снизу вверх, задрав подбородок. Эта смена перспективы лишает его части привычного превосходства.

— Ты убил всех мужчин моего рода, — говорит она внезапно. Голос снова обретает глубину, становясь низким, грудным, опасным. — Твои железные идола раздавили их в пыль под Тевтобургом. Ты затопил наши священные роции кипятком. Ты ломаешь камни этой древней крепости своими подземными червями. Ты чудовище, Александр. Самое страшное, которое когда-либо рождала земля Германии.

— Да, — не отрицает он. Шрамы на его предплечье — память о взрыве распределительного клапана в юности, когда он сам работал простым механиком-принцепсом инкогнито — находятся в дюйме от ее щеки. Метки механика, которые он так и не свел, став богом для миллионов.

— Тогда почему твои руки не дрожат? — ее пальцы, тонкие и белые, поднимаются сами собой. Она касается ими его скулы, покрытой легкой вечерней щетиной. Кожа императора кажется ей странно мягкой, уязвимой после соприкосно-

вения с дублеными ремнями и окровавленными руками германских вождей. — Почему от тебя пахнет не смертью, а сухим порохом, горячим металлом и... домом? Чем-то забытым.

Вопрос разрушает последнюю плотину самообладания. Абсолютная власть учит прятать чувства глубоко внутрь сложного государственного механизма, смазывать их политическими интересами, но механизмы иногда дают течь. Износ деталей неизбежен.

Александр кладет свою огромную, тяжелую ладонь поверх ее тонкой, ледяной руки. Мозоли от рычагов главного дросселя «Имморталиса» — жесткие, как черепаший панцирь — царапают нежную кожу девушки. Контакт электричества двух тел высекает искру в спертom воздухе шатра.

Это нарушение всех мыслимых законов империи. Lex Julia de adulteriis coercendis суров: связь принцепса с пленницей знатного рода, да еще и потенциальной политической агентессой врага — это государственная измена. Скандал, способный обрушить династию, вызвать мятеж преторианцев и дать повод Сенату объявить императора безумцем. Но здесь, в разрушенной крепости Ветера, на самом краю Ойкумены, среди трупов варварских королей с расколотыми черепами, законы Вечного Города казались таким же мертвым

мусором, как и сами черепа.

Александр притягивает ее к себе, поднимаясь из кресла. Октавия не сопротивляется. Напротив, она делает последний шаг, сокращая ничтожное расстояние между ними, и упирается коленями в основание его кресла. Тонкая ткань пеплоса расходится с тихим, жалким треском рвущегося льна. Император чувствует жар ее тела сквозь собственный хитон.

Их губы встречаются в поцелуе, лишенном всякой романтики первого свидания, робких прикосновений или придворных церемоний. Это жадный, горький, почти болезненный акт присвоения и утешения. Поцелуй людей, стоящих по разные стороны баррикад, которые вдруг обнаружили, что баррикада сгорела дотла, а они остались единственными выжившими на пепелище.

Ее пальцы впиваются в его плечи, цепляясь за жизнь, за реальность, за твердый металл скрытых под тканью пластин лорики. Его руки смыкаются на ее талии с силой гидравлического пресса, боясь раздавить хрупкую кость, но не находя в себе сил отпустить добычу. Лампа на столе опасно качается от движения воздуха, грозя погаснуть и погрузить их во тьму, которая идеально соответствовала бы моменту.

Когда они наконец отстраняются друг от друга спустя вечность или минуту, воздух в палатке кажется раскаленным, непригодным для дыхания. Октавия тяжело приваливается к его плечу, пряча лицо в складках его туники. Слезы — горячие, соленые — прожигают дорожки на его коже. Сердце повелителя половины известного мира стучит в ребра так громко, что заглушает далекий гул топки его боевой машины, стоящей в десяти шагах отсюда.

— Они придут за нами утром, — шепчет она в его шею, и слова переходят в судорожный всхлип. — Священная гвардия Сегеста вернется с подкреплением на рассвете. Нас принесут в жертву Вотану вместе, если поймают... вот так. Связанными одними узлами.

— До утра еще целая ночь, — глухо отвечает Александр, поглаживая ее спутанные, влажные от пара и пота волосы. Одной рукой он незаметно задвигает ящик стола коленом, накрывая разбросанные секретные карты разведки краем скатерти. Государственные тайны могут подождать. — Пойдем. Вода смоет грязь этого дня. Хотя бы ненадолго. Позволь мне позаботиться о тебе.

Он поднимается, легко подхватывая девушку на руки. Октавия обвивает его шею, уткнувшись носом в ключицу, туда, где кожа императора пропахла машинным маслом, железом и легким мускусом чистого мужского пота — истинным за-

пахом бога-машины Нового Рима.

За стенами палатки продолжается бесконечная работа войны. Лязгает сталь, скрипит гидравлика разгружающихся колоссов, центурионы распределяют смены караула, вдали плачет чей-то потерявшийся ребенок. Империя утверждает свое право на эту землю огнем, паром и холодной геометрией осадных орудий. Но внутри пурпурного шатра, на расстеленном леопардовом плаще августа, впервые за весь долгий, кровавый поход звучало нечто иное. Ровное, успокаивающее дыхание двоих людей, нашедших точку опоры посреди рушащегося мира.

****Часть III. Геометрия близости (Интерлюдия)****

Внутреннее пространство командирского отсека шагохода «Августус-Прима», куда Александр перенес Октавию через потайной ход в задней стене палатки, напоминало внутренности живого существа. Низкий потолок, обитый пробой для звукоизоляции, мерно пульсировал — это работала система вентиляции, прогоняя очищенный воздух. Единственным источником света был тусклый красный индикатор резервного генератора и мягкий лунный свет, проникающий сквозь толстое кварцевое стекло смотровой щели.

Здесь пахло иначе. Не гарью и кровью поля боя, а сухим

теплом, кожей дорогой обивки кресел и тем специфическим ароматом сложной механики, который всегда сопровождал императора — смесью озона, разогретого титана и дорогого кедрового масла, которым чистили шестерни передач.

Александр опустил девушку на широкое ложе, выдвигающееся из ниши в стене. Оно предназначалось для отдыха экипажа во время долгих переходов, но сегодня служило другой цели. Простыни из тонкого египетского льна захрустели.

Октавия сидела на краю кровати, кутаясь в предложенный шерстяной военный плащ императора — тяжелый, алый, расшитый золотыми орлами по краю. Золотая застежка-фибула на ее горле казалась единственным ярким пятном в полумраке кабины.

— Здесь тесно, — сказала она, оглядывая ряды медных манометров и латунных вентилей. — Как в гробнице.

— Привыкай, — Александр присел перед ней на корточки, беря ее босые ноги в свои огромные ладони. Кожа ее стоп была холодной и загрубевшей от ходьбы по каменному полу крепости. — Большую часть своей жизни я провожу именно так. Между листами стали толщиной в три пальца. Под землей или внутри железа. Безопаснее, чем в мраморных залах Палатина. Там нож может ждать за любой колонной. Здесь

мои враги видны на радаре за десять миль.

Он говорил, продолжая растирать ее лодыжки и икры, разгоняя кровь. Движения его рук были уверенными, профессиональными — так опытный врач-механик готовит сложный механизм к работе после долгого простоя. Но прикосновения оставались удивительно бережными.

— Тебе страшно? — спросил он, не поднимая глаз от ее ног.

— Нет, — ответила Октавия. Она положила свою ладонь поверх его руки, останавливая движение. — То есть, да. Но не за себя. Я видела, как работает твой главный калибр, Цезарь. Я видела, что осталось от тех, кто встал на пути этих машин. Мне страшно от того, насколько сильно я хочу верить, что ты не такой, как остальные. Что в тебе осталось что-то помимо политики и расчета.

Александр поднял голову. Лунный свет падал на его лицо, сглаживая тени и делая его моложе, уязвимее. Он выглядел не императором двадцати провинций, а просто очень уставшим мужчиной.

— Политика и расчет убивают романтику быстрее, чем чума, — усмехнулся он, но улыбка вышла кривой. — Когда ты подписываешь указ о казни сотни заговорщиков до зав-

трака, любовь к человечеству быстро испаряется. Остаются только цифры. Плотность населения, выход руды на тонну породы, коэффициент полезного действия котлов. Люди становятся цифрами. Пока...

Он замолчал, переводя взгляд на ее лицо.

— Пока не встретишь кого-то, кто отказывается вписываться в таблицу смертности, — закончил за него Октавия. Свободной рукой она коснулась его щеки, проводя большим пальцем по зажившему шраму от осколка брони. — Расскажи мне. Зачем тебе эти копи? Зачем этот лес? Разве мало земель под вашим сапогом? Зачем рисковать короной ради пары фунтов серебра и угля?

Александр вздохнул. Он отпустил ее ноги и сел рядом на кровать, повернувшись лицом к смотровой щели. За толстым стеклом проплывали силуэты лагерных костров. Мир снаружи казался нереальным, плоской декорацией кукольного театра.

— Видишь ли, Октавия, моя империя построена на песке, — тихо начал он. — Мой отец, Верес, создал чудо инженерии. Паровые машины позволили нам победить там, где Красс и Варус нашли свою гибель. Мы непобедимы, пока у нас есть уголь Анталийских рудников и инженеры вроде Гая. Но мы потребляем ресурсы быстрее, чем планета успевает их

создавать. Наш технологический скачок сожрал недра Италии и Греции. Еще двадцать лет такой экспансии, и котлы начнут гаснуть. Машины остановятся. И тогда миллиард человек, привыкших к акведукам, теплым термам и бесплатной пшенице, разорвет друг друга на куски за кусок антрацита. Рим рухнет в Темные века, каких не знало человечество.

Он повернулся к ней. Его глаза в полумраке казались абсолютно черными.

— Германия — это последняя кладовая Европы. Уголь здесь можно брать с поверхности. Железо лежит такими жилами, что их видно невооруженным глазом. Серебро Вальдзаса оплатит содержание армии на сто лет вперед. Если я закреплюсь здесь, построю сеть фортов и проведу рельсы, Империя проживет еще тысячелетие. Если нет... мы просто отсрочили крах на одно поколение. Поэтому я здесь. Не ради славы. Ради топлива. Чтобы мой мир не умер от холода старости.

Октавия слушала, подавшись вперед. Страх в ее глазах сменялся пониманием. Она смотрела на него не как на убийцу своей семьи, а как на врача, который проводит болезненную операцию, спасая пациента от гангрены.

— Значит, всё это... горы трупов, сожженные дети, утопленные в болоте матери... всё это ради того, чтобы лампа в

твоей спальне не погасла? — прошептала она.

— Именно так звучит математика выживания цивилизации, — жестко ответил Александр. — Сухо и безжалостно. Но сегодня ночью, Октавия Валерия, я отключаю математику. Сегодня ночью существуют только мы. И этот момент. Больше никаких стратегий.

Он придвинулся ближе. Расстояние исчезло. Император Рима, наследник величайшей военной машины в истории, и последняя из рода Валериев, чья семья погибла ради политических игр, встретились на пересечении отчаяния и необходимости.

Его губы нашли ее снова. На этот раз поцелуй был иным — глубоким, исследующим, полным невысказанной благодарности. Руки Октавии нырнули под его тунуку, ощущая горячую, живую кожу под металлом амулетов. Пальцы Александра запутались в ее волосах, прижимая ее голову ближе, словно он тонул и она была единственным воздухом.

Тяжелый алый плащ соскользнул с ее плеч на пол кабины, бесшумно оседая вокруг ног лужицей королевского пурпура. Хитон императора последовал за ним секунду спустя, обнажая мощный торс воина, пересеченный старыми и новыми шрамами — картой его жизни.

Механизмы «Августуса» продолжали свой мерный ритм за стальной стеной — шипение пара, гул насосов, щелканье реле. Но внутри человеческого сердца зазвучала совсем другая музыка. Древняя, как сама материя, и бесконечно новая для двух людей, познавших вкус пепла.

Ночь в сердце вражеской территории только начиналась.

****Часть IV. Рассвет стратегий (Мостик к следующей главе)****

Сон пришел незаметно, сплетаясь из усталости и пережитого ужаса. Александр проснулся первым от тихого гудения внешнего датчика движения. Солнце еще не встало, но небо на востоке посерело, приобретая свинцовый оттенок. Воздух в кабине остыл, и Октавия во сне прижалась к нему теснее, ища тепла. Император осторожно, стараясь не разбудить ее, выбрался из постели.

Он стоял перед смотровой щелью, завернувшись в простыню, и смотрел на просыпающийся лагерь. Картина была сюрреалистичной. Среди дымящихся развалин древнего варварского святилища вырос идеальный город из парусины и стали. Дисциплина легионов превратила хаос вчерашней бойни в упорядоченную геометрию. Костры для приготовления пищи были строго регламентированы по секторам, что-

бы дым не демаскировал позиции зенитных баллист. Сотни фигур в доспехах двигались синхронно, собирая снаряжение. Война никогда не спит, она лишь меняет темп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.